

Валерий Исаченко

ЗОДЧИЕ

Санкт-Петербурга

XVIII—XX веков

Валерий Григорьевич Исаченко

Зодчие Санкт-Петербурга XVIII – XX веков

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=645905
Зодчие Санкт-Петербурга XVIII – XX веков: Центрполиграф; Москва; 2010
ISBN 978-5-227-02220-2

Аннотация

В книге В.Г. Исаченко рассказывается о зодчих Петербурга – Петрограда – Ленинграда. Она позволяет по-новому оценивать преемственность в творческих подходах к архитектуре разных поколений зодчих.

Кроме фотографий, издание иллюстрировано рисунками автора.

Книга адресована тем, кто интересуется архитектурой Северной столицы.

Содержание

От автора	4
Жан Леблон	5
Михаил Земцов	8
Петр Еропкин	15
Федор (Фридрих) Баур. «Памятно и незабвенно пребудет»	20
Илларион Голенищев-Кутузов	22
Птенцы «гнезда Петрова»	25
Пьетро Антонио Трезини	30
Андрей Квасов	35
Луиджи Руска	39
Андреян Захаров	46
Николай Гребенка	57
Андрей Дельви́г	59
Александр Ераков	60
Бильдерлинги	63
Косяковы	66
Антоний Томишко	77
Вадим Стаценко	79
Гавриил Барановский	81
Николай Прокофьев	84
Отгон Игнатович	86
Павел Сюзор	88
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Валерий Григорьевич Исаченко

Зодчие Санкт-Петербурга XVIII–XX веков

От автора

В эту книгу вошли написанные в разные годы очерки из большого цикла, посвященного зодчим Петербурга – Петрограда – Ленинграда.

В свое время они публиковались в различных изданиях. Сейчас, когда они собраны под одной обложкой, появилась возможность еще раз вспомнить с благодарностью тех людей, чей труд и вдохновение создали облик нашего города. Кроме того, такое издание позволяет по-новому взглянуть на преемственность в творческих подходах к архитектуре различных поколений зодчих.

Очерки охватывают все периоды жизни города – от появления и создания признанных шедевров XVIII–XIX веков до не менее интересного и плодотворного в архитектурном отношении советского времени, со многими представителями которого пишущего эти строки связывают годы сотрудничества и дружбы.

Книга иллюстрирована не только фотографиями, но и рисунками автора, позволяющими взглянуть на город его глазами.

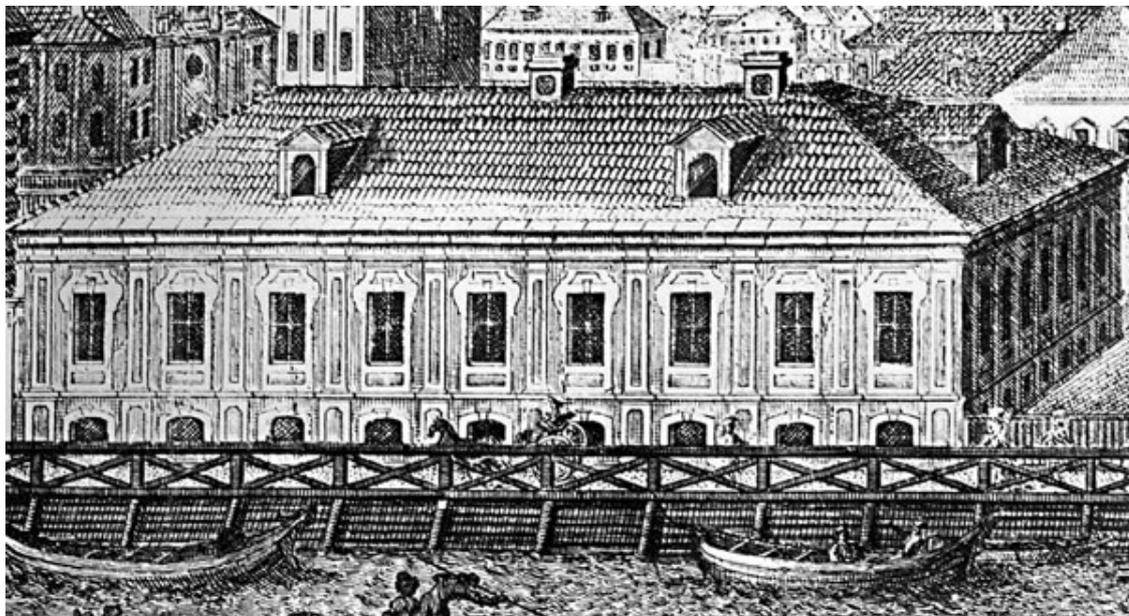
Жан Леблон

На берегах широкой Невы великолепно уживаются все архитектурные стили, и первый из них – петровское барокко, крупнейшим представителем которого, наряду с Доменико Трезини и Н. Гербелем, был Жан-Батист Александр Леблон (1679–1719).

Познакомившись с молодым архитектором, Петр сообщал в одном из писем, что Леблон «не ленив, добрый и умный человек». Это имя вызывает в душе особое волнение, ощущение неповторимости явления. Генерал-архитектор Леблон положил начало созданию гигантского уникального культурного пласта, который называется Петербургом.

Он прожил всего 40 лет. Однако от наследия великого зодчего почти не осталось реальных сооружений. Тем не менее его мощное дарование преодолело «веков завистливую даль». Имя архитектора вспоминается почти на каждом шагу.

Как и сам Петр I, он увлекался величественным северным ландшафтом, возможностью создать на берегах Невы прекрасный, идеальный город. Его чаще всего вспоминают в связи с проектом планировки Петербурга и создания городского центра на Васильевском острове – с каналами, как в Венеции.

Дом Ж. Леблона на набережной реки Мойки

Царь предпочел этому замыслу проект более трезвого Доменико Трезини, однако это не обескуражило Леблона. Неутомимый мечтатель, горевший новыми идеями, он был вполне практичным и деятельным строителем: разрабатывал проекты типовых домов, создавал первые производственные мастерские, первое регулярное освещение города, первые лесопильные заводы.

Леблон основал первую архитектурную школу Петербурга. Он вызывал симпатии и в то же время зависть. Известно было, что однажды он подвергся нападению наемных убийц, однако, как истинный француз, он шпагой владел не хуже, чем карандашом и сумел отбиться от врагов.

Бесспорно, Леблон с трудом уживался в среде царедворцев и карьеристов, да и отношения с Петром I не были безоблачными.

Ему мы обязаны планировочными работами в Кронштадте. Летнем саду, участием в застройке нынешней набережной Лейтенанта Шмидта, оформлением интерьеров Меншиковского дворца.

Монплеzir. Восстановленная галерея. После археологических исследований

С изумительным размахом создавал Леблон планировку Стрельнинского дворцово-паркового ансамбля. К сожалению, не был реализован проект дворца, пожалуй превос-

ходивший тот, который был построен К. Микетти. Сохранился не раз перестроенный деревянный путевой дворец Петра I на окраине парка (ныне – музей).

Все силы таланта и души Леблон вложил в планировку парков Петергофа, создание их водной системы. По-видимому, его замыслы легли в основу проектов зданий Марли и Эрмитажа, он – один из строителей Монплезира. Перестраивая Большой дворец, Ф.Б. Растрелли сохранил центральную, леблоновскую часть. Сколько французского изящества и широты, вдохновения и свободы в этом выдающемся парковом ансамбле, сохранившем очарование, несмотря на последующие переделки. И какое удивительное ощущение прелести северного русского пейзажа!

Не жалея сил, Леблон словно торопился успеть сделать как можно больше. Он проектировал усадьбу в Екатерингофе, великолепный дворец генерала Апраксина (находился на месте Зимнего дворца).

Монплефир в Петергофе

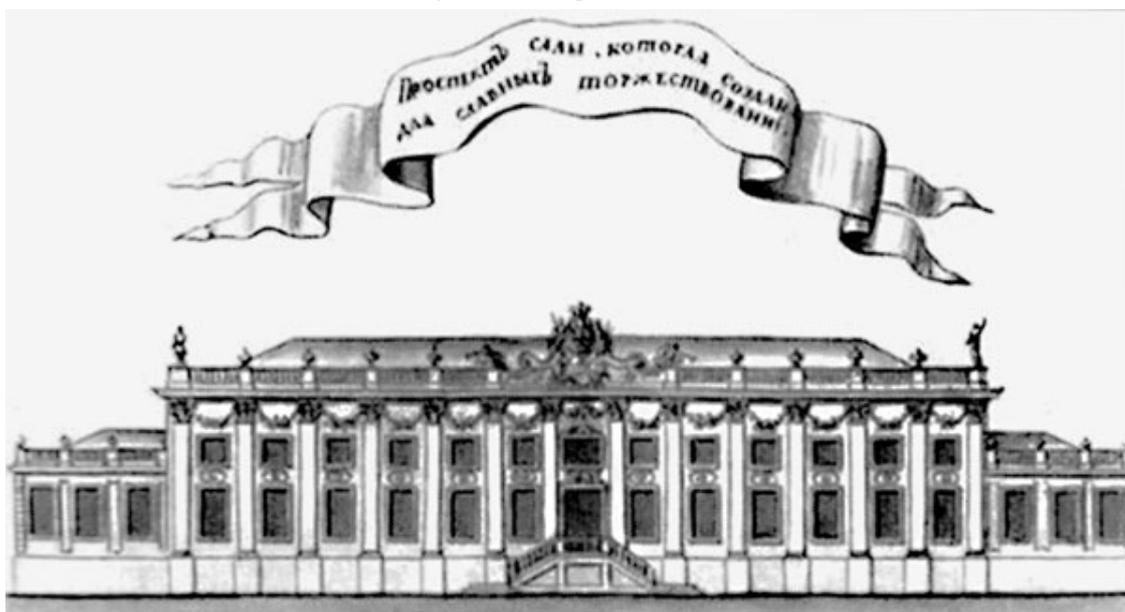
Зодчий трудился в северной столице с 1716 года, а в 1719-м он скончался. И все же за два с половиной года он сделал больше, чем иным удавалось за десятилетия. Однако время оказалось беспощадным к его наследию.

Многое исчезло в напластованиях веков, не сохранился и дом, где жил Мастер, – на Мойке, у Невского проспекта. Свой последний приют он нашел на первом городском кладбище, у стен первого деревянного Сампсониевского собора.

Имя великого зодчего Леблона навсегда останется в первом ряду строителей Петербурга как один из символов архитектурного гения.

Михаил Земцов

«Для пользы всенародной» – так объяснял смысл своего подвижнического труда этот прославленный зодчий. XVIII век в истории нашего города богат присутствием русских и европейских архитекторов, но и в таком величественном ряду имя М.Г. Земцова выделяется поистине грандиозным размахом деятельности, сочетанием таланта художника и строителя с редким трудолюбием и высокими нравственными качествами. Перечень проектов и построек мастера настолько велик, что даже современники сомневались, способен ли один человек делать всю эту работу, посильную серьезному коллективу. Земцов явился первым русским архитектором Петербурга, официально удостоенным этого звания. Слава его была прочной, зодчего уважали и цари, и рабочие, хотя жалование тот получал гораздо более скромное, нежели иноземцы. Такое уж было время.

Авторский чертёж М.Г. Земцова. Зала для славных торжествований

Москвич Земцов, получивший первоначальное образование в древней столице, появился на берегах Невы в 1709 году. Здесь юноша стал главным и необходимым помощником мало искусного в художественных делах Трезини, включившись в строительство Петропавловской крепости, Александро-Невского монастыря, триумфальных ворот на Петровской площади и Невском проспекте, других знаменитых впоследствии объектов. Михаил приобретает опыт на многих стройках стремительно растущего города и одновременно сам учит своих соотечественников. Ему полностью доверяли и Д. Трезини, и Н. Микетти. С последним он возводил дворцы в Ревеле (Таллин) и Стрельне, а после кончины первого завершал госпиталь на Выборгской стороне. Точно так же, сменив умершего Н. Гербея, первый русский архитектор достраивал здания Кунсткамеры, Двенадцати коллегий и Придворных конюшен. Будучи блестящим организатором, человеком пытливого творческого ума и благородства, Михаил Григорьевич пользовался особым расположением самого Петра I.

Время оказалось беспощадным ко многим его произведениям: почти все они были, если не уничтожены, то кардинально перестроены, неузнаваемо изменив облик. Однако следы творчества Земцова, умевшего делать все, от крупных градостроительных проектов до «малых форм», не исчезли. Если бы не его безвременный уход из жизни, архитектура города пошла бы другим путем: тот же классицизм, к которому тяготел зодчий, оставаясь

при этом приверженцем и мастером барокко, мог появиться у нас на несколько десятилетий раньше.

Рис. В.Г. Исаченко Церковь Св. Симеона и Анны

Работая над планировкой и благоустройством Летнего сада, Земцов построил здесь, на невском берегу «Залу для славных торжествований» – яркий, но, увы, не сохранившийся образец барокко. Заметной страницей творческой биографии автора стала работа в качестве главного архитектора пригородных императорских резиденций. Вот лишь некоторые из проектов, которые осуществлялись под началом Михаила Григорьевича в Петергофе: работы в парках, оранжереи и фонтаны, Большой и Марлинский каскады, деревянные колоннады (на месте воронихинских). В Царском же Селе мастеру принадлежит общий замысел ансамблей и Эрмитаж (перестроен Растрелли), а также совершенно великолепный Большой дворец, возведенный одним из лучших его учеников, А.В. Квасовым (вскоре тоже перестроенный Растрелли). Школа Земцова – это не просто громкие слова.

Церковь Св. Симеона и Анны

После грандиозных пожаров 1736–1737 годов «де-факто» и вместе с П.М. Еропкиным сам М.Г. Земцов становится главным архитектором столицы, выступая уже не только как создатель отдельных домов, но и автор целых градостроительных узлов, занимаясь, напри-

мер, определением застройки Невского проспекта, Миллионной и Морских улиц. Не станем забывать, что в основе целого ряда зданий, признанных теперь памятниками, лежат постройки Земцова. Назову несколько таких адресов: Невский пр., 17 и 18, Садовая ул., 13 и 14, Большая Морская ул., 28, 31, 47 и 53, Английская наб., 10 и 74, Исаакиевская пл., 9. Список далеко не полный – впрочем, великим достижением грядущих градостроительных преобразований, которые неизбежно потребуют реконструкции перечисленных объектов, можно будет считать хотя бы фрагментарное сохранение, музеефикацию этого внушительного пласта городской застройки. На месте одного из зданий РНБ некогда стоял земцовский Итальянский дворец (наб р. Фонтанки, 36), и до сих пор радует взор «Петровский» зал заседаний Сената в здании Двенадцати коллегий – еще одно детище первого русского архитектора. Горожанам и приезжим хорошо известен Аничков дворец на Невском, который с 1741 года проектировал и строил Земцов, а после его кончины завершали другие зодчие.

Состоя с 1737 года в руководстве Комиссии о Санкт-Петербургском строении, М.Г. Земцов работал над генпланом города, совместно с И.К. Коробовым завершил начатый П.М. Еропкиным первый русский архитектурно-строительный кодекс «Должность архитектурной экспедиции», занимался планировкой Казанской и Коломенской частей города, что имело большое значение для дальнейшего формирования этих и других районов. Он мыслил как истинный градостроитель.

Акварели В.Г. Исаченко Церковь Св. Симеона и Анны. 1975 г.

Особая глава творчества зодчего – храмовое строительство. Не всем из его планов, в силу разных причин, было суждено сбыться. Так в 1741 году Земцов выполнил проект каменного собора на Троицкой площади взамен деревянной церкви.

Реализовать его так и не удалось, на территории Казанского собора архитектор успел возвести стройную Казанскую церковь с колокольной, начал сооружение церкви Успения на Мокруше (Князь-Владимирский собор на пр. Добролюбова), Спасо-Преображенского собора, создал алтарную часть Сампсониевского. Его шедевр – очаровательная, проникнутая особым лиризмом церковь Симеона и Анны на улице Белинского (1731–1734 гг.). Строил он и здание Знаменской церкви в Царском Селе (с И.Я. Бланком, находится близ лица).

Скромный и заботливый по отношению к семье, коллегам и ученикам, не щадивший себя, взваливая на свои плечи все новые обязанности, Земцов ушел из жизни, не успев завершить много из начатого и задуманного. Последние годы зодчий жил в собственном доме, на месте которого ныне возвышается здание Пассажа, а раньше на углу Шпалерной и нынешнего пр. Чернышевского, где до него, кстати, проживал Н. Микетти (ныне здесь стоит церковь Всех Скорбящих). Было бы справедливым установить на этих зданиях памятные доски с именем первого русского архитектора Петербурга.

Михаил Григорьевич Земцов погребен у стен Сампсониевского собора.

Петр Еропкин

П.М. Еропкин

Петр Михайлович Еропкин (1698–1740) – самая трагическая фигура в истории русского зодчества последних трех веков. Он открывает собой долгий ряд художников и зодчих – подвижников, новаторов, преобразователей, просветителей, общественных деятелей. От него начинается отсчет: Баженов и Радищев, Львов и Захаров, многие другие, истинно русские, национальные гении. Его имя почти не звучит в лекциях и на экскурсиях – «ничего не сохранилось», а потому вроде бы и нет повода для разговора... Быть русским художником в России – всегда подвижничество.

Кажется, что судьба Еропкина была predetermined. О нем можно сказать словами Грибоедова – «горе от ума». Он происходил из рода смоленских князей, ведущего начало от Владимира Мономаха. Отец зодчего, боярин Михаил Федорович, был сторонником петровских реформ. Не случайно царь вызвал юного Петра из Москвы в Петербург для учения – с 1716 года он в Дании, Голландии, а затем – Италии (Флоренция и Рим), где «пте-

нец гнезда Петрова» изучал «архитектурные художества и разные науки». В 1723 году Петр Еропкин вернулся в Петербург широкообразованным специалистом, знающим языки, он вез с собой книги – основу своей будущей богатой библиотеки. Вернулся Еропкин со страстным желанием служить Отечеству, на деле применить полученные энциклопедические знания. За его плечами была теоретическая и практическая школа – Еропкин был первым русским зодчим-профессионалом нового времени. Его служебная карьера была стремительной. Он много работал, в Москве, пригородах Петербурга – Екатерингофе, Стрельне, Петергофе, до этого пройдя «экзаменацию» у К.Б. Растрелли и Д. Трезини. После второй «экзаменации» в 1725 году он первым из русских получил звание архитектора, а через два года сам экзаменовал Ивана Коробова, в будущем творца Адмиралтейства. В эти годы зародилась дружба и творческие связи с М.Г. Земцовым и другими зодчими того времени.

После кончины Петра I Еропкин руководил постройкой трех деревянных триумфальных ворот в Москве к коронации Петра II. После Москвы, с 1731 года, – самый насыщенный и к тому же последний этап деятельности мастера – всего 10 лет. Впечатляет уже сам перечень работ: мощение улиц, очистка рек и каналов, дренажные работы и осушение обширных территорий, постройка мостов и новые конструкции набережных с мыслью об их последующей замене каменными (для борьбы с наводнениями), проект Гостиного Двора на Невской перспективе и множество других прозаических, но необходимых дел. Так формировался зодчий-градостроитель: не отдельные, пусть даже и значительные постройки и районы, а весь город становится заботой Еропкина, и здесь он является прямым предшественником великих зодчих конца XVIII – начала XIX веков.

«Звездный час» Петра Михайловича – те недолгие годы, которые ему суждено было трудиться архитектором созданной в июле 1737 года «Комиссии о строении...». Помогло несчастье – сильнейшие пожары 1736–1737 годов в Адмиралтейской части, при которых выгорела почти вся застройка. Это и послужило стимулом к созданию Комиссии, во главе которой стал Б.Х. Миних, крупный военный инженер, все еще не оцененный в нашей науке. Объективной оценке его многогранной и полезной деятельности, очевидно, мешали отрицательные личные качества Миниха. Еропкин был единственным архитектором в этой Комиссии, ставшей прообразом архитектурно-планировочного управления, по существу он и был главным архитектором города. Все каменные казенные и частные здания следовало строить по утвержденным Комиссией планам, что, впрочем, не мешало зодчим проявлять самостоятельность в детальной разработке проектов. Мощная воля, широта кругозора и организаторские способности Еропкина были решающими в деле преобразования городского центра.

Очевидно, именно Еропкиным был подготовлен чрезвычайно грамотно составленный широкий план реконструкции и детальной планировки и застройки Адмиралтейской части города. Регулярное каменное строительство именно жилых кварталов (прежде – дворцы и храмы) стало основой формирования этой и других частей Санкт-Петербурга. Еропкин усовершенствовал трехлучевую систему центральных улиц («трезубец»), намеченную еще при Петре I, – со спрямлением Невского проспекта. Он понял и усилил градостроительную роль Адмиралтейства как главной доминанты. И как бы в дальнейшем ни менялась застройка этого района, сохранилась основа: проспекты-лучи и пересекающие их улицы.

Еропкин тонко уловил природные особенности малых рек и городских каналов, включив их в планировочную структуру. Работая над генпланом города, зодчий учитывал ландшафт, характер среды, роль больших и малых пространств. Но и этого было мало. Еропкин раздвигал границы городского центра, начав создание нового жилого района – Большой и Малой Коломны с системой улиц, главная из которых – Садовая – продлевалась до нынешней площади Тургенева. Селились здесь жители из «погорелых мест» Адмиралтейской части.

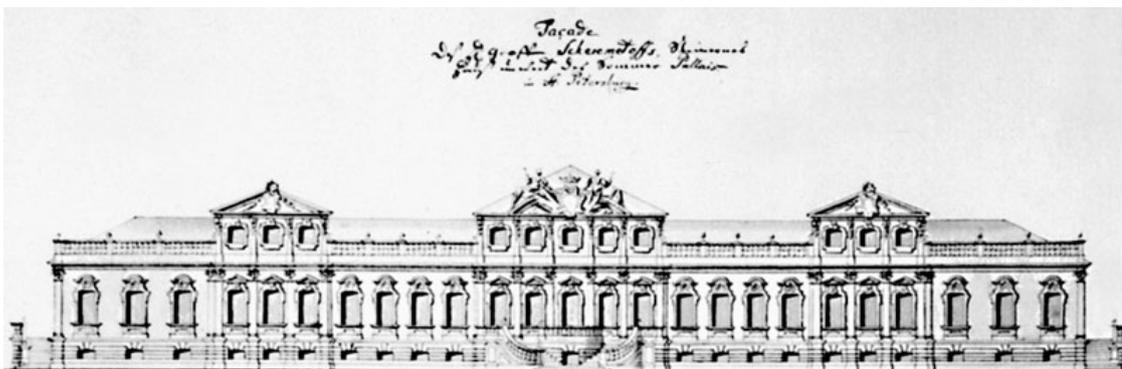
На площади Еропкин предложил поставить храм, так же как в Морской слободе (будущие Покровская церковь и Никольский собор).

По-прежнему продолжались работы на Васильевском острове, в перспективе были остров Голодай (Декабристов), Выборгская сторона, роты гвардейских полков, Загородный проспект и его окружение и их связь с Литейной стороной, район Александро-Невского монастыря, Острова, Фонтанка... Много не успел сделать неутомимый зодчий, но начало было положено. Активно велось осушение болот, определялись основные контуры районов, намечались новые площади с общественными зданиями (на Невском у Казанской церкви, будущие Владимирская, Конюшенная, Адмиралтейская, Петровская...). Еропкин сделал акцент на рядовую жилую застройку, на взаимосвязь частей города – в этом шаг вперед по сравнению с Трезини и Леблонем.

Императрица Анна Иоанновна, видя загруженность Еропкина, сочла необходимым освободить его от других работ (строительство Александро-Невского монастыря, госпиталя в Ораниенбауме и др.), а загружен он был основательно: с Земцовым проектировал каменный храм на Троицкой площади на месте обветшавшего деревянного, любимой церкви Петра I. Жаль, что этот проект, как и следующий, разработанный Земцовым уже после гибели друга, остались нереализованными.

Строительные материалы, кстати, пошли на постройку Зимнего дворца. В 1735–1740 годах Еропкин построил церковь на нынешней Кирочкой ул., 8. На ее месте сейчас стоит церковь Св. Анны (проект Ю.Н. Фельтена).

Главной своей задачей Еропкин считал создание «более достойной Руси столицы» – этому и была подчинена вся его жизнь.

Проект дворца П.Б. Шереметева

Теперь пора рассказать о ближайшем окружении зодчего. Это его родственник, кабинет-министр А.П. Волынский и связанные с зодчим дружескими и родственными узами А.Ф. Хрущов, Е.Ф. Соймонов, князь А.М. Черкасский. А.П. Волынский, человек чрезвычайно сложный, патриот, противник немецкого засилья (бироновщины), в то же время интриган, с необузданным нравом («прославился» избиением поэта В.К. Тредиаковского) ярко воплощал в себе достоинства и пороки целого столетия. Принято считать, что он активно влиял на Еропкина, но если это и так, то несомненно и обратное влияние просвещенного, энциклопедически образованного архитектора на Волынского. Кстати, министр был женат на его сестре.

Самый интригующий вопрос – собственные постройки главного архитектора, многие из которых исчезли, а некоторые скрыты за поздними наслоениями. Еропкин успевал строить и по своим проектам. Прежде всего, это «палаты» (дворец) А.М. Черкасского на Дворцовой наб., 18, – Миллионной ул., 19, законченные в 1746 году уже после смерти автора под наблюдением его ученика Г.Д. Дмитриева. Великолепный трехэтажный, с тремя ризалитами дом отличался сочной пластикой, акцентированным центром, завершенным лучковым фрон-

тоном, пилястрами, скульптурой. В нем – черты Ренессанса и барокко (перестроен). Можно согласиться с исследователями, полагающими, что именно проект нарядного одноэтажного усадебного дома, разработанный Еропкиным, лег в основу построенного С.И. Чевакинским Фонтанного дома – сходство с дворцом Черкасского несомненно. Кстати, П.Б. Шереметев в 1747 году стал владельцем дома на Дворцовой набережной.

Постройки Еропкина скрыты за стенами (точнее, в объемах) домов № 2 и № 4 на Английской набережной, построенных для вице-канцлера А.И. Остермана в 1730-х годах. Эти дома имели высокие цокольные этажи, рустовку, наличники, высокие крыльца. Быть может, на берегах Невы были и другие его постройки, созданные на основе «образцовых» проектов, но отличавшиеся тонкой нюансировкой деталей, пластикой, силуэтами. Сохранится в перестроенном виде дом А.П. Волынского на Английской набережной, 8, рядом с перестроенным Земцовым домом № 10. Также за новой «одеждой» – стены двухэтажного дома фельдмаршала И.Ю. Трубецкого на Дворцовой набережной, 10, – это был нарядный дом в стиле барокко, в нюансах отличный от построек Трезини и Леблона (постройки Еропкина живописнее).

Еропкин – один из творцов дворцово-паркового ансамбля в Ропше, когда-то не менее выдающегося, чем знаменитые ансамбли пригородов. Первый владелец, министр внутренних дел Г.И. Головкин, получил эти земли от Петра I в 1710 году. Через четыре года после окончания Северной войны (1721 г.) деревянный усадебный дом постепенно заменялся каменными «палатами» с пейзажным парком, сначала для отца, затем для сына – М.Г. Головкина, с юных лет близкого друга Еропкина. Постройку вел ученик Еропкина, крепостной зодчий И. Андреев, очевидно, по его проекту. Двухэтажный дворец с одноэтажными галереями и флигелями, с обширным погребом впоследствии не раз перестраивался и расширялся, но за классическим фасадом скрыты еропкинские палаты.

Важнейший источник для изучения творчества зодчих той поры – стокгольмская коллекция чертежей Ф.В. Берхгольца, в 1960-х годах экспонировавшаяся в Эрмитаже. Она помогает по-новому взглянуть на наш город.

В эти годы были выполнены первые фиксационные планы города, Еропкин думал о будущем столицы, о перспективах ее роста, ратовал за эстетику городской среды, намечал создание Академии архитектуры... Первый русский теоретик архитектуры, Еропкин, переводит Палладио и Макиавелли, составит «Трактат о должности Архитектурной экспозиции» – свод законов и нормативов, связанных с вопросами этики, чести и долга перед личностью и обществом. В этом он – предтеча русского Просвещения.

Ледяной дом на Неве

Самым известным произведением Еропкина и одновременно символом нелепого шутовства, унижения человеческого достоинства является печально известный Ледяной дом, сооруженный на Неве (там, где ныне Дворцовый мост) у Зимнего дворца по инициативе Волынского для царской потехи (декабрь 1739 – февраль 1740 годов). В грандиозном сооружении в полной мере проявились многообразные дарования зодчего, вынужденного обслуживать «ледяную свадьбу» шутов. Так уживалось казалось бы, несовместимое, но таков был жестокий век.

Памятник на могиле у собора Св. Сампсония

Еропкин был деятельным членом оппозиционного антибироновского кружка, созданного Волынским. В апреле 1740 года все они были арестованы, а в июне Волынский, Хрущов и Еропкин казнены, как раз в день очередной годовщины Полтавской победы. Погребены они были у Св. Сампсония, храма, в память этой победы возведенного. На одной из сторон памятника, поставленного у стен собора в 1885 году, – герб князей смоленских – предков зодчего-патриота. Память об этих мучениках – в названии Волынского переуллка, где когда-то на берегу Мойки Еропкин построил своему влиятельному родственнику одноэтажный деревянный дом. Но лучший памятник самому Петру Михайловичу Еропкину – наш город, который помнит и чтит своего Главного архитектора.

Федор (Фридрих) Баур. «Памятно и незабвенно пребудет»

Слова, вынесенные в заголовок, были сказаны современниками о выдающемся русском военном инженере Федоре Виллимовиче Бауре (Боуре), имя которого было известно всему Петербургу во второй половине XVIII века. Его биография увлекательней иных романов, а перечень сделанного за небольшой срок настолько велик, что его хватило бы ни целую плеяду опытных строителей.

Фридрих Вильгельм Баур (1731–1783) происходил из шведских дворян. Сын лесничего, он получил прекрасное воспитание и образование, по собственной инициативе посвятил себя воинской службе, пройдя путь от простого солдата до полковника в армии Фридриха Великого. Непостижимым образом он сочетал в себе отчаянную храбрость с трезвым расчетом и осторожностью.

Инициативный, богато одаренный офицер пользовался непререкаемым авторитетом во всех слоях общества. От отца он унаследовал благородство души, физическую силу и доброту, а также любовь к математике и другим точным наукам. В то же время это была натура поэтическая, художественно одаренная. Баур участвовал во многих европейских баталиях, командуя большими воинскими частями. Нередко его ратные подвиги решали исход сражений.

Вид на дом Баура со стороны Невы

В 1763 году, неожиданно для многих, Баур занялся науками, картографией, анализом сражений, в которых он участвовал. Не удивительно, что Екатерина II пригласила молодого полковника на русскую службу, что соответствовало и его желаниям; Баур мечтал проявить свои способности на просторах великой страны и в 1769 году с радостью отправился в Петербург.

В 1770–1771 годах генерал-майор Баур отличился в Русско-турецкой войне под знаменами П.А. Румянцева (в битвах при Кагуле, Ларге и Измаиле). Он много сделал для улучшения боевого порядка в русской армии, затем работал в Генеральном штабе и, наконец, сосредоточился на строительных делах.

«Деятельный и искусный инженер», Федор Виллимович (его часто звали Васильевичем) со всей страстью включился в труды по созиданию северной столицы: осуществил углубление Фонтанки и строительство ее набережной, участвовал в прокладке Екатерининского канала, строил каменные гавани в Кронштадте, реконструировал Ладожский канал,

нанимался мощением улиц, канализацией Литейной стороны. Талантливый гидравлик, он возглавил гидротехнические работы в столице. «Не силою богатства и не сокровищами, от предков приобретенными, но отличными души своей дарованиями» Баур быстро завоевал славу и любовь на своей второй родине. Более всего импонировали его искренность, великодушие, справедливость.

Широкую известность Бауру принес проект Таицкого водовода, который позволил обеспечить превосходной водой Царское Село. Баур блистательно реализовал идею русских военных инженеров первой половины XVIII века создать систему водоснабжения этого пригорода; пострадавшего в 1760-х годах от засухи. Строительство водовода было завершено в 1787 году, уже после кончины Баура.

Еще важным делом мастера явилось завершение постройки Большого театра (ныне на его месте здание консерватории).

Баур строил мосты, дороги, дома, не сохранившиеся усадебные комплексы под Гатчиной и Ораниенбаумом, вел строительные работы в Петропавловской крепости. Не реализована реконструкция солеваренного завода в Старой Руссе, возведены укрепления в Риге и Ревеле, Нарве и Рогачеве, устроен водопровод в Москве, издана первая карта Молдавии. Поразительно, что все это сделано всего за несколько лет. Екатерина II высоко ценила Баура. Он был награжден многими орденами, в том числе орденом Александра Невского.

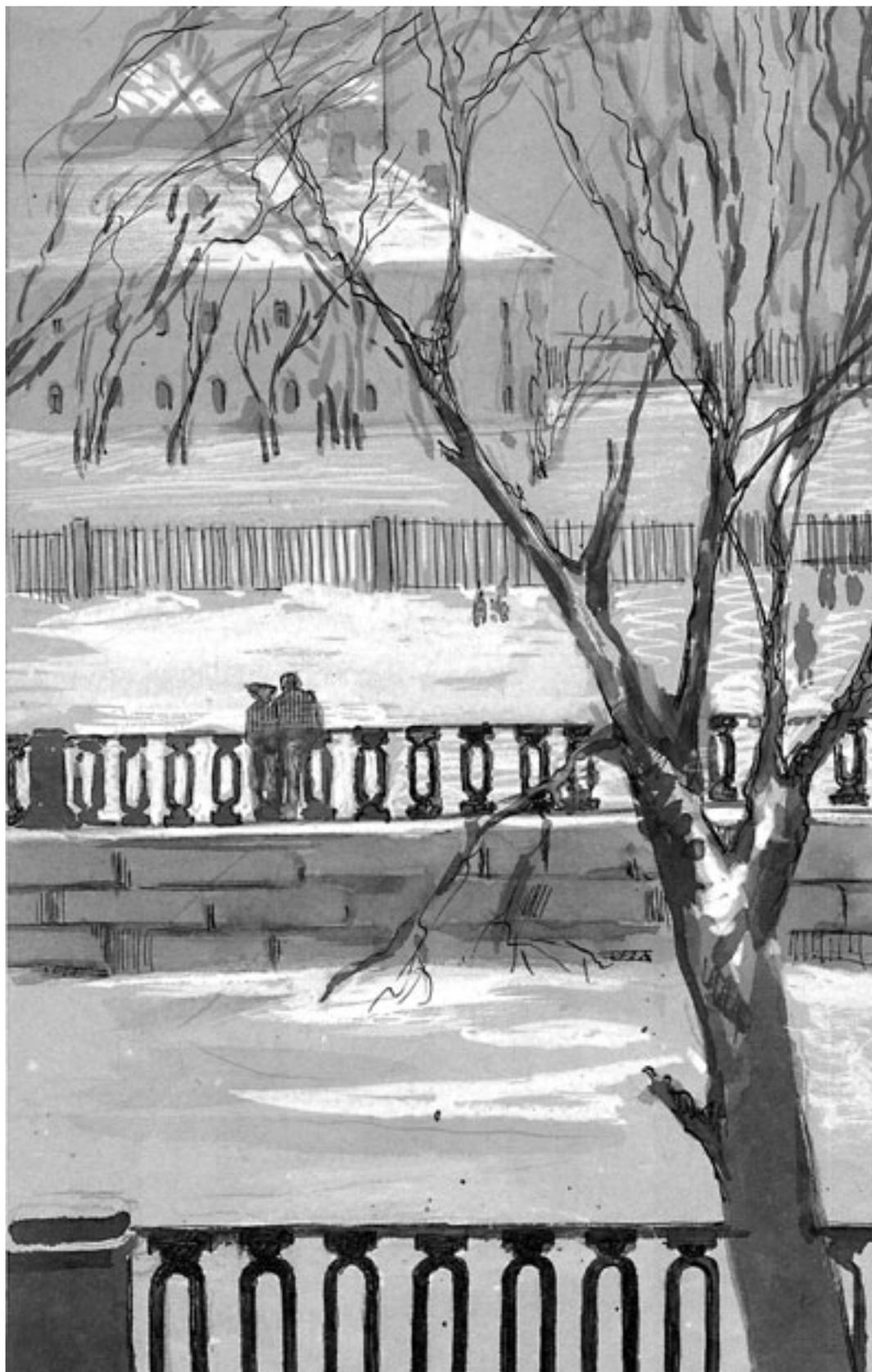
О нем говорили, что он «никогда и никакими трудами не утомлялся», однако ратные и мирные труды подорвали здоровье этого, подлинного рыцаря инженерного дела. Баур скончался в 1783 году, когда ему было всего 52 года. Современники сожалели, что не осталось хорошего портрета инженера.

О Бауре напоминает благородного облика строгий двухэтажный дом, построенный им в начале 1780-х годов на набережной Фонтанки, 2. Здесь он, примерный муж и отец, жил в последние годы. До наших дней дом сохранил свое историческое наименование: «Баурский дом». Под этим названием он вошел в перечень памятников архитектуры, и это лучшее свидетельство того, что имя Баура, патриота и гражданина России, не будет забыто. Служение Родине было для него не только долгом, но и естественной потребностью человека.

Илларион Голенищев-Кутузов

В плеяде военных инженеров – строителей города на Неве – одно из имен привлекает особое внимание: Илларион Матвеевич Голенищев-Кутузов (1708–1784). Нетрудно догадаться, что это отец великого полководца.

...В 1737 году Илларион Голенищев-Кутузов блестяще окончил основанную Петром I Инженерную школу (в нее он впоследствии определил единственного своего сына Михаила). Школа была центром отечественной военно-инженерной мысли, давала обширные и разнообразные знания. Нынешний ее адрес: набережная Ждановки, 13 (Военный инженерный институт им. А.Ф. Можайского).

Рис. В.Г. Исаченко. Канал Грибоедова

Генерал-майор И.М. Голенищев-Кутузов вместе с сыном, в ту пору капитаном, участвовал в Русско-турецкой войне под командованием П.А. Румянцева, в других походах. Его воинскую доблесть оценивали столь же высоко, как и инженерные труды. Он был влиятель-

ным государственным деятелем, сенатором, человеком гуманным, заботливым и справедливым. Не случайно его прозвище – «разумная книга» (к нему шли за советом и помощью). Михаил Илларионович многим был обязан отцу: рано похоронив жену, тот все свободное время отдавал сыну, дал ему прекрасное воспитание и образование. Илларион Матвеевич более 30 лет посвятил строительству, возводил оборонительные сооружения, мосты, набережные, жилые дома. Почти все это либо не сохранилось, либо исчезло в напластованиях поздних времен. Однако он все же оставил после себя выдающееся творение, какому могли бы позавидовать многие именитые зодчие: это «Екатерининский славный канал» (канал Грибоедова), как называл его позже М.Е. Салтыков-Щедрин. Имя Голенищева-Кутузова как его автора известно немногим. Сходная судьба у народных песен, авторы которых забыты. Проект канала инженер предложил еще при Елизавете Петровне, но строительство началось в 1764 году в царствование Екатерины II. Необходимость его сооружения была тогда очевидной – город страдал от наводнений, а речка Кривуша (или Глухая речка), вытекавшая из болота, что находилось где-то на месте Русского музея, не могла служить надежным препятствием для стихии. Предполагалось, что канал сможет защитить город. Истинной картины наводнений тогда не знали.

Автор Екатерининского канала сохранил изгибы Кривуши в очертаниях одетой в гранит набережной. За свой многолетний труд Илларион Матвеевич получил из рук Екатерины II золотую табакерку с бриллиантами. Строительство в основном было завершено в 1790 году, после кончины автора, его коллегами И. Борисовым и В. Назимовым. Канал получил похвалы современников; вот лишь одно из сообщений в газете: «Вырыванием сего канала, примечания достойного, возвышена и высушена вся оная сторона, снабжена хорошою речною водою, и живущие по оному пользуются ныне удобностью привоза дров и других потребностей на барках» (1794 г.).

Екатерининский канал – одно из поэтичнейших мест города. Никто не проходит равнодушно мимо великолепных каменных мостов, переброшенных через канал. А ведь первый из них – арочный Казанский мост по Невскому проспекту – был построен в 1766 году тоже «под смотрением» Голенищева-Кутузова. Расширяя мост в 1805 году, Л. Руска сохранил его облик.

Еще одно произведение Голенищева-Кутузова – Воскресенская церковь в селе Ступино Торопецкого уезда Псковской губернии. Здесь Михаил Илларионович хоронил отца в 1784 году.

Есть что-то символическое в том, что бронзовый Кутузов стоит у канала Грибоедова близ Казанского моста – у творений своего отца. И в нашей памяти их имена должны быть рядом.

Птенцы «гнезда Петрова»

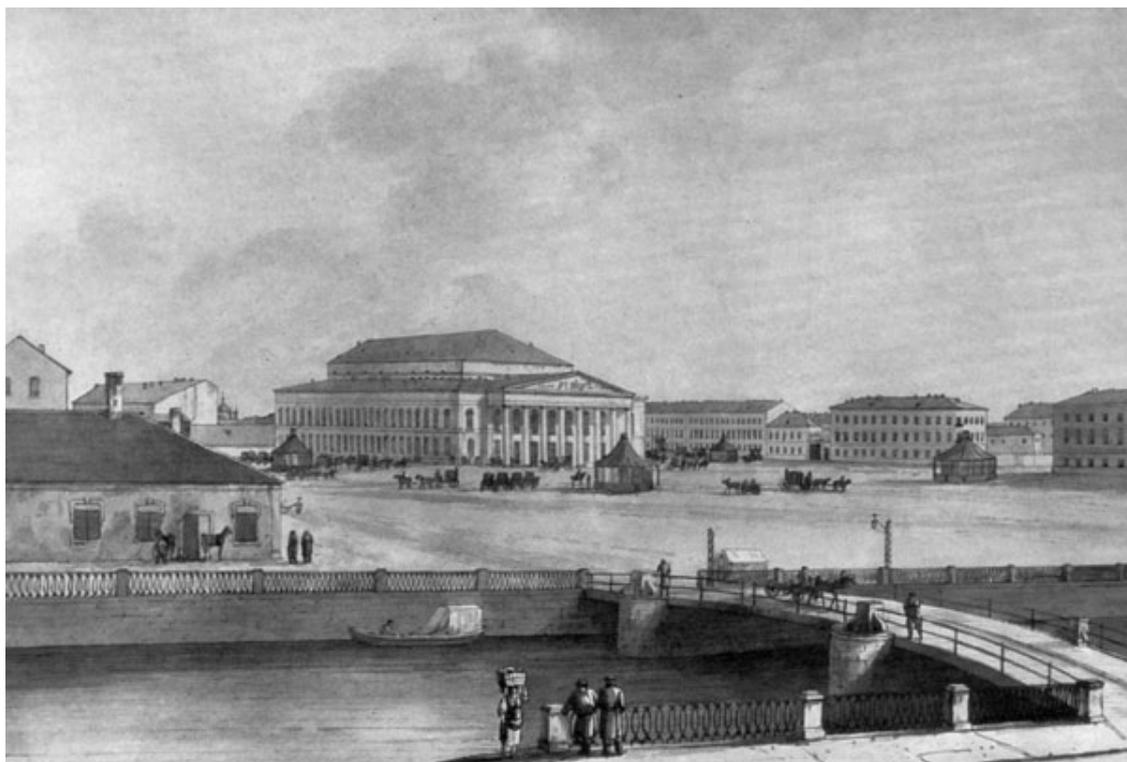
Зодчие Петербурга XVIII века оставили нам богатейшее наследие, значительная часть которого сохранилась. Архитектура нашего города той поры – уникальное явление, рожденное титаническим трудом многих русских и западноевропейских архитекторов, инженеров, строителей. Громкая и вполне заслуженная слава Растрелли, Старова, Кваренги и других великих мастеров отодвинули на второй и даже на третий план первых строителей, плодотворно трудившихся на берегах Невы. Это неудивительно: помнят о тех зодчих, чьи строения по сей день украшают город, и забывают о тех, чьи сооружения исчезли в напластованиях позднейших эпох, хотя их создатели в том и неповинны. Это естественный процесс.

Среди строителей Петербурга, начиная с первых лет его создания, важнейшее место занимали военные инженеры. Их огромный вклад в формирование облика города на Неве и его пригородов до сих пор является наименее изученным.

Первые петербургские зодчие были под стать самому царю: Петр I и не позволил бы быть иными. Эпоха выдвинула людей несокрушимой воли и энергии, предприимчивых, разносторонне одаренных. Такими были и русские мастера, и их зарубежные коллеги, которые во множестве приезжали в новую столицу. Голландцы, немцы, англичане, итальянцы, французы становились здесь вполне своими людьми, верой и правдой служа новой Родине. Упомянем хорошо известного всем, кто знает жизнь и творчество Пушкина, его славного предка – Ибрагима Петровича Ганнибала, жившего в России с 1706 года. Он был одним из «птенцов гнезда Петрова», учился во Франции. Плоды его неутомимой деятельности – куртины и бастионы Петропавловской крепости, перестроенные им в середине XVIII века, Аннинские укрепления в Выборге, усадьба в Суйде (Гатчинский район). Он строил на Ладого, в Кронштадте, Ревеле (Таллине), в Сибири. Сын Ганнибала, Иван, также известен перестройками в Петропавловской крепости в 1880-е годы.

Жизнь едва ли не каждого зодчего той поры воспринимается сегодня как увлекательный роман, в котором сочетается героическое и порой комическое, взлеты и падения, неожиданные, причудливые повороты судьбы. Эти люди были подлинными детьми своего века.

Выходец из Англии Эдвард Лейн удостоился чести быть соавтором самого Петра I. Его деятельность в Кронштадте отличалась огромным размахом: он строил каналы, доки, гавани, оборонительные сооружения. Работал с полным напряжением сил в полном согласии с Петром I (а сотрудничать с ним, точнее, детально разрабатывать его замыслы было чрезвычайно трудно).

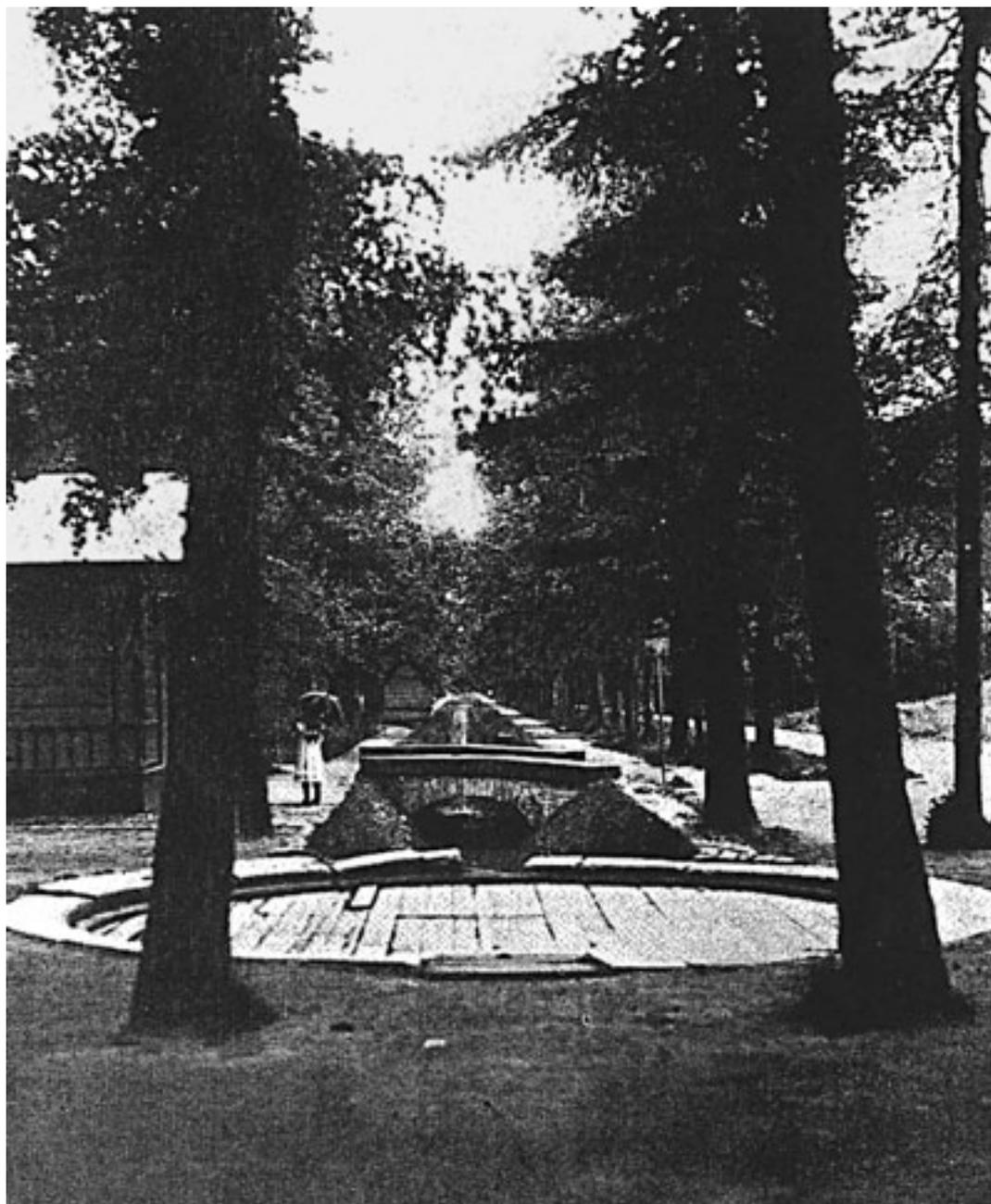
А.Е. Мартынов. «Петербургский Большой театр». 1820-е гг.

И. де Колонг был начальником Инженерной школы при Петре I и позднее. По его проекту возведен Комендантский дом в Петропавловской крепости (1740-е годы). В 1721 году в Россию приехал военный инженер Б.-Х. Миних, имевший уже опыт работы в Германии и Франции. Он основал 1-й кадетский корпус, строил укрепления в Выборге, Кронштадте, Петергофский водовод, сооружения в Петропавловской крепости. Сохранилась созданная им система прудов в Гостилицах, где находилась усадьба Миниха. Он много работал в районе? называемом Песками? и многих других.

Комендантский дом в Петропавловской крепости. Современное фото

Мастера XVIII столетия были яркими личностями, вобравшими в себя все противоречия эпохи. Необходимо было сооружать фортификационные строения, мосты, каналы – они брались за любое дело, при необходимости становились архитекторами. В наши дни нередко можно услышать вопрос: так кем же были эти строители? А они совмещали в себе способности зодчих, гидротехников, педагогов... Ведь в то время не могло быть узкой специализации. И опять же примером специалиста-универсала был Петр I, человек с несомненным архитектурным дарованием. Влияние его могучей личности озарило весь XVIII век. Строители 1780–1790 годов не уступали своим предшественникам.

Баурский канал и Гранитный бассейн в Царском Селе. Окончание Таицкого водовода. 1913 г.

Фридрих Вильгельм Баур (у нас его звали Федором Виллимовичем, или Васильевичем) приехал в Россию в 1769 году и за 14 лет до кончины успел создать Таицкий водовод (Тайцы – Царское Село), провести большие работы по устройству Екатерининского (Грибоедова) канала, набережных Фонтанки. Он строил мосты, усадьбы в окрестностях Петербурга, каналы, работал в Кронштадте и Москве. Именно Баур завершил сооружение Большого театра (стоял на месте консерватории). Личность Баура, его темперамент, энергия, активная гражданская позиция сродни художникам эпохи Возрождения. О нем напоминает благородного облика дом у Прачечного моста на набережной Фонтанки, 2. Здание вошло в списки памятников архитектуры как дом Баура: здесь он жил (возможно, он и был его строителем). Генерал Баур пользовался большим уважением. Об этом говорит хотя бы тот факт, что через два года после его кончины вышло в свет описание жизни и деятельности мастера.

И.К. Герарда называли архитектором «императорских водных строений». Видный гидростроитель, он получил хорошее образование за рубежом и в России, строил Ладожский канал (его первым строителем был еще в петровскую эпоху Григорий Скорняков-Писарев, кстати, также военный инженер), склады Новой Голландии, внося изменения в проект С.И. Чевакинского и Ж.-Б. Деламота. Одно из главных произведений Герарда известно всем – это Обводный канал (начат в 1804–1805 гг.). Он занимался реконструкцией набережных Мойки и Фонтанки, возведением набережной Стрелки Васильевского острова. Велик перечень трудов Герарда в Царском Селе (г. Пушкин): мосты, каналы, каскады прудов...

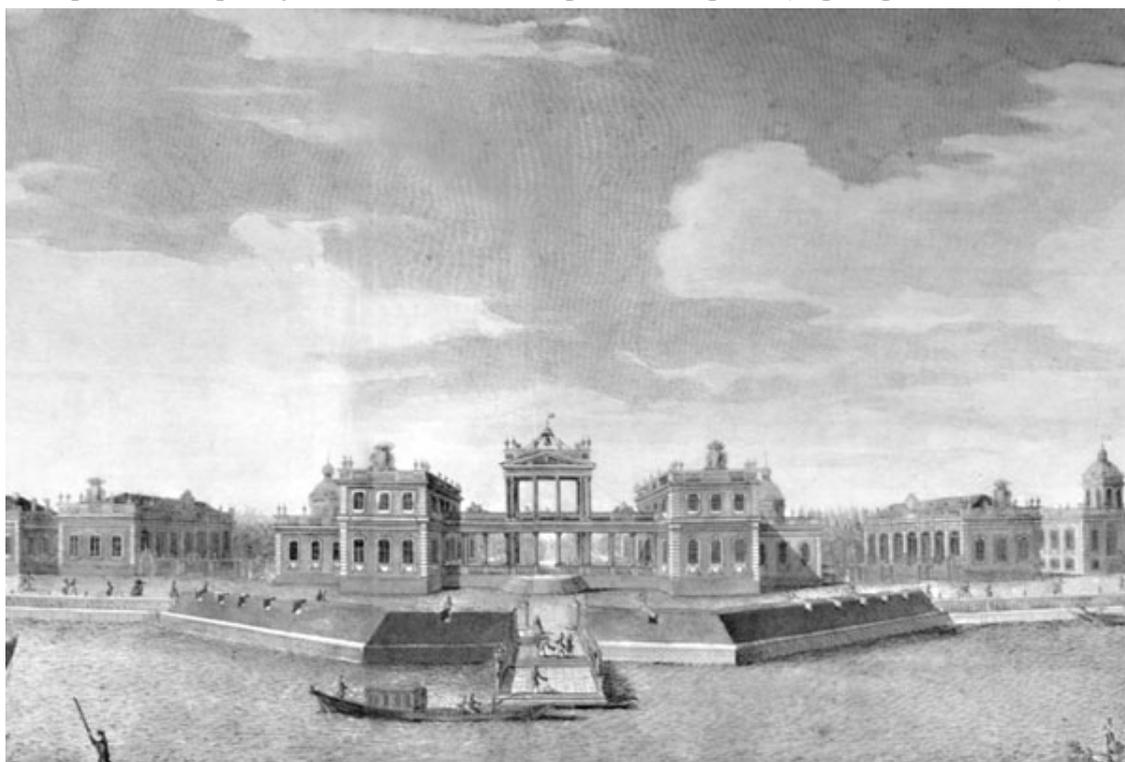
Отец великого полководца Кутузова И.М. Голенищев-Кутузов был строителем Казанского моста (по Невскому проспекту через канал Грибоедова) и Екатерининского канала (ныне – канал Грибоедова).

Роль первых строителей Петербурга трудно переоценить. Они заложили основу одного из красивейших городов мира и явили нам пример служения Родине. Их имена не должны быть забыты.

Пьетро Антонио Трезини

Прочное место в петербургском зодчестве занимают представители рода Трезини, в первую очередь, конечно, строители петровской эпохи. Но есть в этом ряду все еще недостаточно изученный мастер – большой архитектор и незаурядный человек Пьетро Антонио Трезини (в России его называли Петром Андреевичем). Был ли он сыном Доменико? Возможно.

Быть может, исследователи искусства XVIII века когда-нибудь сумеют дать точную и глубокую характеристику этого крупного и оригинального зодчего-новатора. Он родился в 1692 году, учился Антонио в Италии, там же, по-видимому, и строил первые свои здания. С 1726 года молодой зодчий в Петербурге. Он строит множество частных домов, Монетный двор близ Литейного двора, Таможенное и Конюшенное ведомства (не сохранились). С 1735 по 1746 год Трезини отдает много сил и времени реконструкции и отделке Исаакиевской церкви (находилась близ монферрановского творения). Значительные и притом сохранившиеся постройки Пьетро Антонио – жилые дома № 32 и № 34 на Невском проспекте (1738–1739), сооружение которых было связано с проектированием им костела Св. Екатерины. Именно Трезини создал первый проект костела, определив его положение в глубине участка. Проект стал осуществляться лишь через четверть века Ж.-Б. Валлен-Деламотом и А. Ринальди. Жилые дома в 1893 году весьма тактично надстроил А.А. Клевцинский. Трезини завершил постройку госпиталя на Выборгской стороне (перестроен в XIX в.).

С рисунка М.И. Махаева. Усадьба Бестужева-Рюмина на Каменном острове. 1753 г.

С 1742 года Трезини – главный архитектор Петербурга и в то же время – Александр-Невской лавры. В этом монастыре он продолжал начатое предшественниками, вел планировочные работы и создал изумительной красоты Федоровскую церковь с корпусами и воротами. Созданное здесь великолепно связывает архитектуру Петербурга с московской. А в Москве Трезини построил церковь Климента на Пятницкой улице, не имеющую анало-

гов в архитектуре Москвы. Превосходно найденный силуэт, безупречные пропорции делают эту стройную петербургскую церковь шедевром русского зодчества XVIII века. Почти все работы зодчего завершились позднее, когда он вынужден был покинуть Россию (в 1751 или 1755 г.). Можно лишь догадываться о драматических эпизодах его жизни, о соперничестве с Ф.Б. Растрелли, об изнурительных отчетах, придирках чиновников, о зависти коллег...

Рис. В.Г. Исаченко. Федоровская церковь в Александро-Невской лавре

В 1748 году Трезини выполнил проект величественного ансамбля Троице-Сергиевой пустыни, осуществленный в 1756–1763 гг. Перестройки XIX столетия и разрушения минувшей войны привели к почти полной утрате этого лучшего, наряду со Смольным монастырем, ансамбля барокко в нашем городе (ныне здесь монастырь, ул. Буденного, близ Стрельны).

Пьетро Антонио был создателем дворцово-паркового комплекса А.П. Бестужева-Рюмина на Каменном острове, известного только по гравюрам и рисункам М.И. Махаева. И снова мы должны употреблять слова: впервые, уникальный, великолепный, ибо Тре-

зини создал единственный в своем роде, необычайно живописный, связанный с пейзажем ансамбль. На его фундаменте строит Каменноостровский дворец.

Храм во имя Св. Живоначальной Троицы

Именно Трезини был первым в Петербурге строителем пятиглавых храмов. Таков был Спасо-Преображенский, начатый М.Г. Земцовым и блестяще завершенный Трезини в 1754 году. В 1825–1827 годах сгоревший собор возобновил В.П. Стасов, сохранивший план, общую композицию и части стен предшественника.

Акварель В.Г. Исаченко. Владимирский собор

Шедевр отечественного зодчества XVIII столетия (наряду со Смольным и Никольским соборами) – Владимирская церковь (Владимирская площадь). О ней немало сказано, она давно получила высокую оценку специалистов, однако автор ее окончательно не установлен. Скорее всего именно П.А. Трезини был создателем этого шедевра или же, во всяком слу-

чае, зодчим, причастным к его созданию. В нем несомненно присутствуют «трезиниевские» черты. Трудно найти в списке зодчих первой половины XVIII столетия другого возможного автора. И хотя церковь была построена в 1760-е годы, это не противоречит возможности нашего предположения – ведь и другие работы Трезини завершались значительно позже. Последнее слово – за исследователями зодчества XVIII века. Не исключено, что именно он был автором церкви Св. Пантелеймона и других зданий. Но в любом случае имя П.А. Трезини должно стоять рядом с именем Растрелли, как имя крупнейшего русского зодчего эпохи расцвета барокко.

Рис. В.Г. Исаченко. Церковь Св. Пантелеймона

Андрей Квасов

«Строитель чудотворный» – эти пушкинские слова о Петре I можно отнести едва ли не к каждому из зодчих Петербурга XVIII века, тем более что от одной из самых блистательных эпох архитектуры города сохранилось в памяти людской не так уж много имен. Так, о расцвете барокко говорят имена Растрелли, Чевакинского да еще нескольких мастеров. Об остальных изредка вспоминают разве что историки зодчества. Причин тому немало – утрачены документы, чертежи, и, быть может, главная – то, что неумолимое время скрыло от нас их произведения. Одни исчезли за поздними напластованиями, другие снесены в XIX–XX веках. Но разве повинны в том создатели?

Многие из нас помнят, как в 1961 году варварски, трусливо и подло взорвали церковь Успения Богородицы на Сенной, возведенную в середине XVIII века на месте небольшой деревянной церковки 1730-х годов. Идя в новый храм, люди говорили, что идут «ко Спасу, на Сенную» (это название прежней церкви, которую перенесли сюда с Выборгской стороны, с места, где построили Сампсониевский собор).

Но вот исчезла церковь на Сенной – не стало самой площади. Разве можно называть площадью совершенно неорганизованное, аморфное пространство, а ныне некую свалку, где так и хочется вспомнить незабвенного Салтыкова-Щедрина, сказавшего, что Сенная площадь – это «единственное место, где и полиция не требует внешней благопристойности».

Церковь Успения Богородицы

Снос храма был признан огромной градостроительной ошибкой. В последующие годы архитектурная общественность отстаивала необходимость его восстановления. В 1988–1989 годах на целой серии совещаний архитекторы, художники, историки убедительно доказали, что автором снесенного храма был когда-то известный, а затем почти забытый мастер барокко Андрей Васильевич Квасов, брат известного зодчего-градостроителя Алексея Васильевича Квасова.

Документы тщательного обследования памятника, обмерные чертежи, выполненные до сноса (авторские чертежи и другие материалы не найдены), подтвердили правоту историка Ю.М. Денисова и архитектора Д.А. Бутырина, автора проекта воссоздания церкви в виде, максимально близком первоначальному. Их мнение поддержали крупные специалисты Г.Н. Булдаков, Ю.С. Ушаков, В.В. Антонов и многие другие. Никто даже не пытался оспаривать убеждение в авторстве Андрея Квасова.

Церковь Успения сооружена в 1753–1765 годах. Это был единственный в городе храм, в облике которого отдаленно угадывались элементы украинского зодчества (в силуэте куполов, в своеобразной приземистости...) – недаром Квасов до ее возведения успел основательно поработать на Украине и оказать заметное влияние на тогдашнее местное зодчество. Долгое время автором, по традиции, называли Ф.Б. Растрелли (ему приписывались почти все значительные постройки середины XVIII в.), быть может потому, что церковь возводили на средства богатейшего купца, коллежского асессора С.Я. Яковлева, которому Растрелли (опять же предположительно!) строил неподалеку нарядный особняк (снесен, стоял на участке дома № 10–12 по Московскому проспекту).

Принадлежность храма Успения на Сенной другому автору вызывает к нему повышенный интерес, тем более что храм был произведением оригинальным, незаурядным. К сожалению, мы все еще не знаем ни точной даты рождения Андрея Васильевича Квасова (предположительно около 1718 г.), ни года кончины (1770-е гг., где-то на Украине). Но зато твердо можем назвать одно из его петербургских творений – Большой Царскосельский дворец, за роскошными фасадами которого скрыт основной объем изящного двухэтажного здания с одноэтажными флигелями. Оно было спроектировано и построено воспитанником Канцелярии от строений молодым зодчим Андреем Квасовым. Императрица Елизавета Петровна высоко ценила его «прилежность» и «искусство». Работая над сооружением царских палат в 1743–1748 годах, он тактично включил в их объем небольшой дворец Екатерины I, возведенный ранее И. Браунштейном и И. Ферстером.

Помощником Квасова, затем соавтором был Савва Чевакинский, внесший в начальный проект палат ряд изменений. В современном Екатерининском дворце-музее хранится деревянная модель «сочиненного» двумя зодчими замечательного здания.

Вскоре Растрелли при активном участии Чевакинского перестроил и расширил дворец, придал фасадам новое декоративное оформление. Но и сделанное Квасовым не исчезло полностью – именно его следует считать первым (после Земцова) создателем царскосельского ансамбля. Ему принадлежит первоначальный проект Эрмитажа и других каменных и деревянных строений, к сожалению, утраченных.

Рис. В.Г. Исаченко. Храм в Гостилицах

Однако вернемся к храму на Сенной. Квасов не стал делать его похожим на другие церкви эпохи барокко. Причем, не о «чистоте» стиля заботился. Зодчий «в целом художнически выразил идею кокота (птицы), прикрывающего крыльями своих птенцов». Такую высокую и точную оценку дал церкви через сто лет после ее постройки историк А. Томилин. Многие художники разных времен запечатлели облик храма, который ничто не могло затмить: ни растущие ввысь дома, ни огромные корпуса Сенного рынка, ни изменяющийся городской пейзаж. Самое важное – церковь была важнейшим звеном в системе площадей: Сенной, Никольской и Покровской. Она создавала особую духовную атмосферу, придавала площади определенный характер.

Если когда-нибудь проблема восстановления Спаса на Сенной станет реальностью, нужно будет обязательно восстановить четырехкопный портик входа в колокольню, построенный в конце XVIII века, предположительно И.Е. Старовым. Работа была выполнена настолько тактично, что другой зодчий – Луиджи Руска, возводя в 1818 году напротив здание гауптвахты, повторил в нем портик церкви. В этом и проявилось незаурядное градостроительное чутье архитектора: оба портика образовали единственные в своем роде пропилеи, оформлявшие выезд с Сенной на Садовую улицу.

Из наследия Андрея Квасова назовем его собственный дом на Большой Морской ул., 54, сооруженный по его проекту в 1759–1761 годах. Двухэтажное, в стиле барокко, здание в 1841 году надстроил и перестроил П.И. Таманский.

Недавно отреставрирована прекрасная церковь в Гостилицах (Ломоносовский район), где Квасов создал дворцово-парковый комплекс для А.Г. Разумовского (сохранились фрагменты).

Тема особого разговора – творчество зодчего на Украине, где он сыграл важнейшую роль в распространении приемов русского барокко. Создал регулярную планировку города Глухова, возвел там триумфальную арку, губернаторский дом и загородный дворец. Трудился в Киеве, Батурине, Нежине, проектировал парки, был умелым организатором всего архитектурно-строительного процесса, преподавал. Строил для А.Г. и К.Г. Разумовских.

Далеко не все сохранилось. Быть может, лучшее творение Квасова на Украине – стройный пятиглавый собор в Козельце. В плане – крест с закругленными концами.

Остается добавить, что младший брат Андрея Квасова – Алексей (ок. 1730–1772), человек богато одаренный, приобрел заслуженную известность как автор генеральных планов Петербурга, Твери, Казани, Астрахани (1760-е гг.), предместных площадей на пересечении Фонтанки и Гороховой улицы и т. п. Занимался он реконструкцией Адмиралтейской части, строительством жилых домов на Невском проспекте и Морских улицах.

Луиджи Руска

В плеяде зодчих, создавших неповторимо прекрасный облик «пушкинского Петербурга», достойное место занимает один из талантливейших мастеров русского классицизма Луиджи (Алоизий Иванович) Руска. На лучших его постройках установлены памятные доски, одну из самых известных работ архитектора – портик дорического ордера на Перинной линии горожане называют «портиком Руска». Значение этого небольшого здания как важнейшего композиционного звена в ансамбле Невского проспекта и прилегающих улиц трудно переоценить. Перекликаясь с величественным фасадом Михайловского дворца (ныне – Русского музея), оно замыкает перспективу улицы Бродского. Портик Руска органично входит в ансамбль торговых зданий, гармонируя с шедеврами Ж.-Б. Вален-Деламота и Д. Кваренги.

Произведения Л. Руска отличаются той же благородной простотой и гармонией, что и постройки его великих современников, слава которых часто заслоняет имя этого большого, но еще недостаточно оцененного зодчего, градостроителя, художника.

«Дом Ордена иезуитов»

Луиджи Руска родился в 1762 году в Аньо близ Лугано (Швейцария) в семье «каменных дел мастера» Иеронимо Джованни Руска и вместе с отцом приехал в 1783 году в Россию. Молодой архитектор начал свою творческую жизнь в Придворном ведомстве. Именно там он приобрел проектную и строительную практику, сотрудничал с Д. Кваренги, В. Бренна и другими крупными зодчими. Ему довелось трудиться в Ораниенбауме (в соответствии с замыслами А. Ринальди он реставрировал Китайский дворец), создавать внутреннюю отделку Большого дворца в Петергофе, работать в Ропше, а непосредственно в Петербурге – участвовать в застройке Дворцовой площади, в возведении корпусов Конюшенного ведомства (перестроенных В.П. Стасовым), Михайловского замка и Публичной библиотеки. Уже сам перечень объектов говорит о том, какую школу прошел Л. Руска, прежде чем стал придворным архитектором. Одна из первых его самостоятельных работ в центре столицы – здание Обуховской больницы на набережной Фонтанки, 106 (перестроено).

Важное место в системе центральных ансамблей города занимает монументальное здание с колоннами, в перестройке которого участвовал Руска. Оно вошло в историю петербургской архитектуры как «дом с четырьмя колоннадами» (Садовая ул., 12). Удивительно

соразмерен окружающей городской среде «дом Ордена иезуитов» на набережной канала Грибоедова, 8.

Кажется, в этом здании привычно – все его элементы встречаются во множестве петербургских строений той поры, но таковая особенность дарования Руска – соединять традиционность с индивидуальным обликом каждого из возведенных им домов.

Руска в высокой степени обладал чувством меры, вкусом, художественным тактом. Его профессиональное мышление было достаточно гибко, чтобы в пределах единого архитектурного стиля находить различные его воплощения. А Руска одними и теми же приемами и формами (например, колонные портики на выступающих частях нижних этажей) умел достигать неодинакового эстетического воздействия.

«Дом Ордена иезуитов» выгодно отличается от окружающих его зданий своей естественной вписанностью в облик именно этой набережной. Здание служит и достойным продолжением застройки площади Искусств, связывая, таким образом, гениальный ансамбль К. Росси с набережной канала Грибоедова. Эти имена часто сопоставляют, и хотя произведения Росси отличаются более крупным масштабом, лучшие работы Алоизия Ивановича вполне выдерживают сравнение с ними.

Руска не был ни теоретиком зодчества, ни учителем, и, пожалуй, не создал своей школы (хотя ему было бы что сказать ученикам). Зато он являлся архитектором-практиком, комплексно решавшим все вопросы проектирования и строительства, а не только рисовальщиком фасадов, поручившим планировку зданий своим помощникам.

Широтой пространственного исполнения отличается дворец Бобринского (ранее Мятлева) с ионическим портиком в центральной части фасада (Галерная ул., 60). Это здание усадебного типа с парадным двором, монументальными воротами и бюстами на пилонах. Привлекательны изящная ограда и павильон-беседка. Дворец Бобринских – одно из произведений зодчества, достойно завершающих XVIII век.

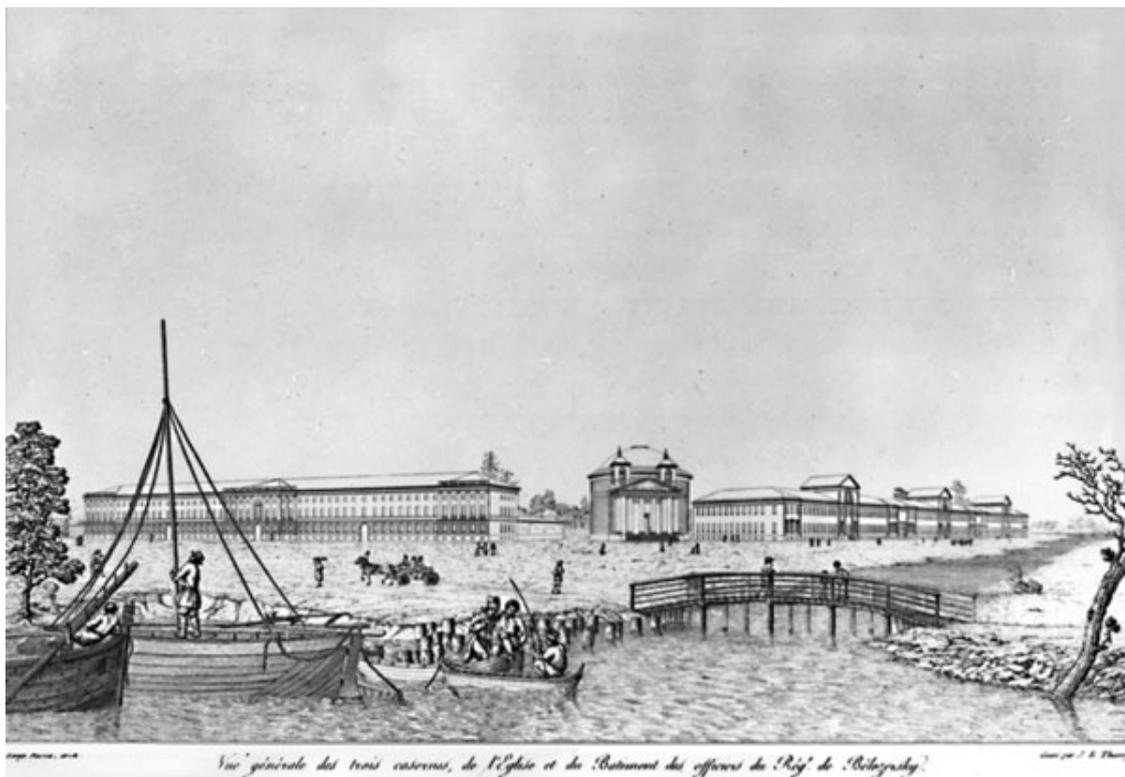
В начале нового столетия Руска создал первые образцы безордерного классицизма в Петербурге – жилые дома № 33 и № 41 на набережной Фонтанки. Новаторство зодчего проявилось в том, что его произведения предшествуют уже новой архитектурной эпохе, более строгой и рационалистичной, когда во главу угла ставились не сочетания и художественная обработка отдельных элементов, а организация здания в целом. Та же особенность отличает и дом № 26 на улице Халтурина, где фасад украшен колонным портиком, но главное вовсе не в последнем, а в системе фасадов – дворовых и выходящего на набережную Мойки, 25.

Казармы и манеж Кавалергардского полка. Фото 1960-х гг.

Величественный ансамбль казарм и манежа Кавалергардского полка на улице Шпалерной, 41/43, и по сей день производит сильное впечатление размахом композиционного замысла. Это вовсе не та «казарменная» архитектура, о которой гневно отзывались великие писатели России. Значение казарменных комплексов Руска выходит за утилитарные рамки – в трактовке подобных сооружений зодчий исходил из тех же задач, что и его великие современники при проектировании Главного штаба, Адмиралтейства и других шедевров.

Еще более значителен ансамбль казарм Белозерского гренадерского полка, состоящий из семи разномасштабных построек. Руска удачно использовал особенности территории при впадении Карповки в Малую Невку. Выходящий на нынешнюю улицу Чапаева фасад главного корпуса особенно выразителен благодаря торжественному ритму арочных проемов. С массивом Ботанического сада естественно сочетается корпус, выходящий на набережную Карповки с его обобщенными формами и ясными членениями.

Проект казарм Гренадерского полка

Офицерские казармы Гренадерского полка

Произведения Руска не утратили своего обаяния, несмотря на смену стилистических направлений, вкусов и пристрастий. Здания Гренадерского полка, сочетаясь с громадой Ботанического сада и речными просторами, приобрели как бы обновленный вид после постройки нового Гренадерского моста. Сохранился корпус казарм Измайловского полка на набережной реки Фонтанки, 120. Несколько необычно и все же характерно для Руска величественное, хотя и небольшое по высоте, здание экирциргауза Кадетского корпуса на набережной реки Ждановки – улице Красного Курсанта, 14–18.

Акварель В.Г. Исаченко. Казармы Гренадерского полка (строительство нового Гренадерского моста)

Начав с произведений, характерных для конца XVIII века, Руска пришел к монументальным образам, без которых невозможно представить себе «пушкинский» Петербург. Созданная архитектором ограда Ассигнационного банка со стороны канала Грибоедова монументальна и декоративна, она не имеет аналогий в петербургском зодчестве и вместе с романтическим Банковским мостиком образует один из самых поэтических уголков города. Здание Автобусного вокзала и на площади Мира – бывшая Гауптвахта (как и экирциргауз, оно было завершено В.И. Беретти), ворота Смоленского кладбища, Воскресенская церковь на Литераторских мостках – эти строения позднего Руска дополняют представление о нем, как о мастере широкого диапазона.

Набережная реки Фонтанки, д. 41

В Петербурге конца XVIII – начала XIX веков зодчему было невозможно работать, не считаясь с исторически сложившейся городской застройкой. Руска не просто возводил отдельные здания и ансамбли, но участвовал в формировании целых районов, предвосхищая градостроительные замыслы К.И. Росси и В.П. Стасова. Он сыграл видную роль в развитии Петербургской стороны, городского центра. Его строения сохранились, хотя и с поздними переделками, на набережной канала Грибоедова против «дома Ордена иезуитов». Эта группа зданий находится неподалеку от комплекса придворных конюшен (Конюшенная площадь), также перестраивавшихся Руска, который предложил возвести церковь именно на том месте, где ее впоследствии поставил В.П. Стасов.

Руска вошел в историю архитектуры нашей страны как большой мастер не только монументальной формы, градостроительной планировки, но и внутренней отделки. Интересны интерьеры в домах на набережной реки Фонтанки, 41, на улице Халтурина, 26. Зодчий умел создавать помещения величавые без помпезности и в то же время уютные, покоряющие теплотой и человечностью (белый и желтоколонный зал в Аничковом дворце).

Чрезвычайно много сделал Руска для восстановления и завершения начатого другими мастерами, проявив и оригинальность собственного почерка, и уважение к предшественникам. В этом отношении он может служить образцом для современных проектировщиков. В начале века Руска восстанавливал Таврический дворец, полуразрушенный при Павле I, отделял Аничков дворец, расширил здание Кабинета его величества, возведенное Кваренги, и пристроил флигеля в сторону главного здания. Эти работы были выполнены столь искусно, что малоискушенному зрителю почти невозможно отделить друг от друга части строения, выходящие во двор.

В Руска соединились зодчий-градостроитель и мастер архитектурной детали, рисовальщик. В 1810 году он издал прекрасно оформленный гравированный альбом чертежей своих произведений – интереснейшие образцы графики, на которых предстает облик старого Петербурга. В некоторые листы включены жанровые сюжеты. По этим чертежам можно заключить, что далеко не все замыслы зодчего были осуществлены, например проект набережной и пристани у Зимнего дворца.

Его деятельность не ограничивалась Петербургом – возросший масштаб строительных работ требовал широкого привлечения петербургских архитекторов к проектированию для окрестностей столицы, для провинции. Руска создал вблизи Петербурга немало превосходных сооружений: почту в Стрельне, вписанную с большим тактом в пейзажное окружение, украшенную скульптурой Гранитную террасу в Царскосельском парке (вообще скульптуру, как объемную, так и рельефную, архитектор применял редко, но с большим вкусом и мастерством). Композиционными звеньями единого замысла стали пять комплексов зданий ямских станций, расположенных по дороге на Ивангород. Из них сохранилось четыре, каждая состоит из трех построек. Руска проектировал и деревянные «образцовые» дома.

Церковь Всех Скорбящих Радость

Сегодня нелегко определить, что именно строил зодчий во множестве русских городов: он проектировал монументальные сооружения для Астрахани, Черкаска, Твери, Саратова, Симферополя, Полтавы. В Ярославле по его проекту было возведено здание на центральной

площади (ныне – площадь Подбельского), а в Псково-Печерском монастыре – храм. Одна из лучших работ Руска за пределами Петербурга – эффектно поставленный на высоком берегу Волги Борисоглебский собор с колокольней в городе Старице (позднее был восстановлен К. Росси).

И все же творческий путь мастера завершили строения, возведенные им в Петербурге: здание Духовной академии (Обводный канал, 7), церковь Всех Скорбящих Радость (ул. Шпалерная, 35а) с изумительным залом-ротондой.

Луиджи Руска уехал из России в 1818 году для лечения в Швейцарию. Скончался он в 1822 году.

Искусство Руска шло в русле русской национальной культуры, и это вполне естественно – он отдал нашей стране, своей второй Родине, тридцать пять лет жизни, став подлинно российским зодчим.

Жизнь Луиджа Руска внешне небогата событиями. Он не был, подобно ряду своих предшественников и современников по архитектуре, в авангарде за борьбу художественных направлений и стилевых течений. Его биография не содержит, как, например, биографии Растрелли или Росси драматичных эпизодов творческого и житейского самоутверждения, да и вообще о нем вне его искусства известно крайне мало. Канва этой судьбы – работа и только работа, жизненный путь Руска запечатлен для нас исключительно в результатах его труда. И этого оказалось достаточно, чтобы имя человека, говоря словами Пушкина, прошло «веков завистливую даль»!

Андреян Захаров

Думал ли этот человек, что через многие десятилетия его имя станет олицетворением русского гения в архитектуре? Ведь во мнении даже иных специалистов он – автор лишь одного памятника зодчества, хотя его проекты осуществлялись во многих городах России. Значительная часть замыслов не получила воплощения ни при жизни, ни после смерти мастера. Что чувствовал зодчий, видя, как лучшие его проекты разбиваются о невежество и тупость чиновников? Об этом можно только догадываться...

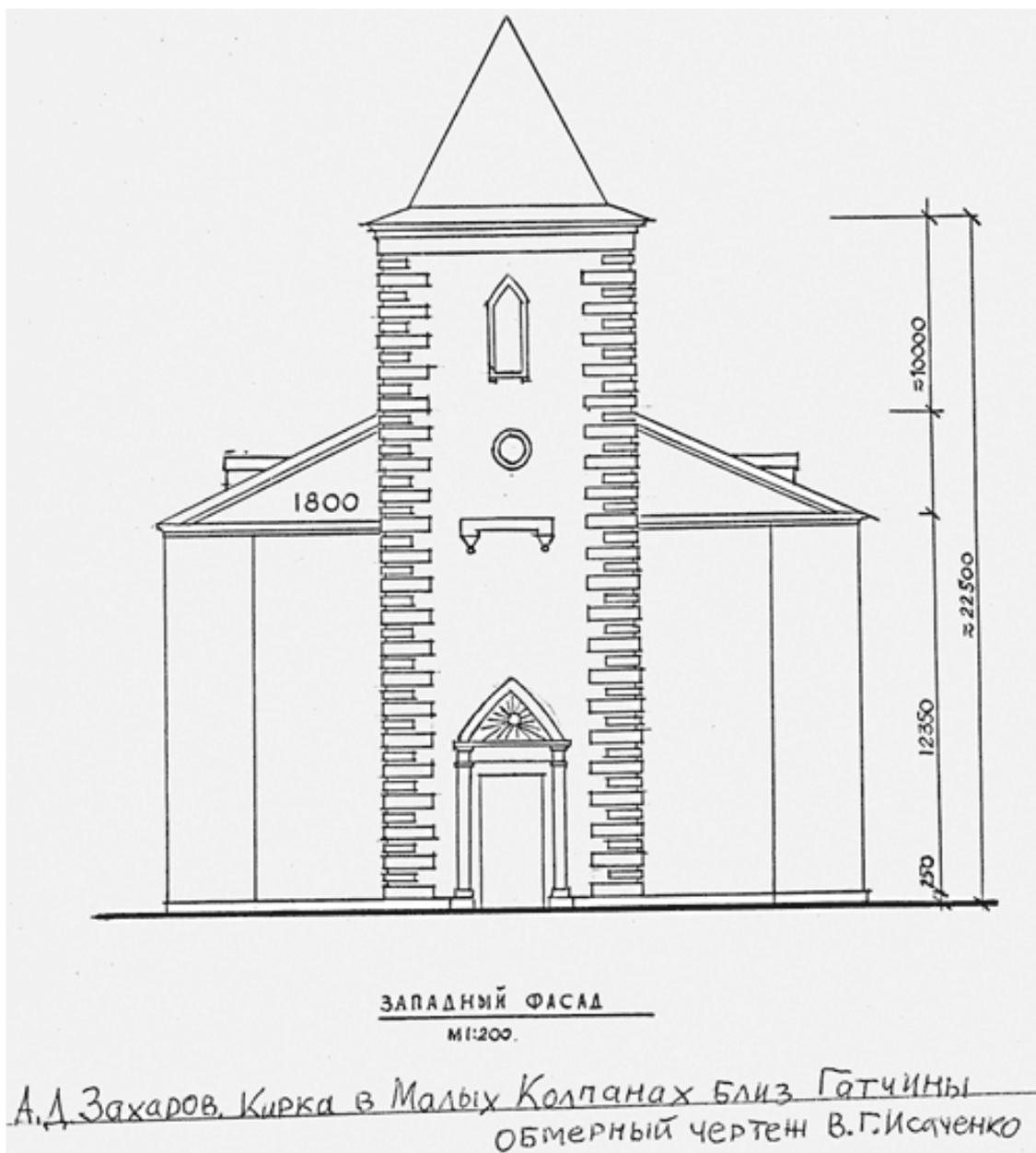

А.Д. Захаров

Адриан (Андреян) Дмитриевич Захаров родился в 1761 году в семье офицера – разночинца по происхождению. С пяти до двадцати лет обучался в Академии художеств и, получив большую золотую медаль, был послан в Париж продолжать образование у профессора Шальгрена. Хорошо известна исключительно высокая оценка, которую французский зодчий дал своему русскому собрату.

Рис. В.Г. Исаченко. «Птичник» в Гатчине

Кирка в Малых Колпанах близ Гатчины. Обмерный чертёж В.Г. Исаченко

Удивительна быстрота профессионального роста Захарова. С 1794 года – академик, с 1796 – профессор Академии художеств, в конце XVIII века становится городским архитектором Гатчины. Для этого петербургского пригорода Адриан Дмитриевич выполнил много работ: руководил перестройками во дворце, создал проекты монастыря святого Харлампия, церкви и казарм в районе Екатеринвердера, гатчинского воспитательного селения для детей (два варианта). Уже здесь проявились свойственные ему градостроительный подход к проектированию, чувство ансамбля, особенное внимание к генплану и планировке зданий. Внешний облик этих неосуществленных сооружений предельно скромен, но благороден.

На берегах речки Колпанки в гатчинском парке Захаровым были возведены здания «Фермы» и «Птичника» (конец XVIII в.). Грубо офактуренные известняковые плиты, пудостский камень, высокая кровля придают особое очарование «Ферме». Прекрасно вписано в пейзаж «Сильвии» (название части парка) одноэтажное здание «Птичника» с обращенным к реке дорическим портиком, балюстрадой и мезонином. О широте диапазона мастера свидетельствует трехарочный Львиный мост, переброшенный через Карпин пруд (проспект 25

Октября). Почерк Захарова характерен для расположенного на Красноармейском проспекте, 48, здания «Соляных магазинов». Несмотря на поздние искажения, здесь можно видеть «захаровские» пропорции проемов. Одной из самых ранних построек зодчего является сложенная из известняковой плиты кирха в Малых Колпанах близ Гатчины с «готическими» стрельчатыми окнами (шпиль, колокольни, увь, разрушены в годы Великой Отечественной войны и до сих пор не восстановлены). Наряду с Н.А. Львовым Захаров сыграл важнейшую роль в формировании Гатчины на рубеже XVIII–XIX веков.

Велики его заслуги и в застройке других городов. В начале столетия зодчий создал множество «образцовых проектов» – военных училищ, жилых зданий, присутственных мест, губернаторских домов, провиантских складов для провинциальных городов. Главными свойствами их сам Захаров считал экономичность и художественную выразительность. Это были двухэтажные, скупое декорированные здания, облик которых оказал сильное воздействие на развитие классицизма в России и на Украине. Одной из наиболее характерных построек является губернаторский дом в центре Калуги. Несомненно влияние (если не говорить о прямом участии) Захарова на планировку Круглой площади в Полтаве.

Адриан Дмитриевич участвовал в составлении альбома «Российской архитектуры» (по замыслу В.И. Баженова), создал чертежи многих шедевров зодчества Петербурга и Москвы. В 1800-е годы Захаров пользуется непререкаемым авторитетом как инженер, знаток строительного дела в самом широком смысле этих слов. Немало времени посвятил он консультациям, авторскому надзору, экспертизам, составлению расчетов, смет, обстоятельных пояснительных записок. Архитектор наблюдал за строительством казарм на набережной реки Фонтанки, 90, за ремонтом Никольского собора и его колокольни. А сколько проектов других зодчих, откорректированных Захаровым, разошлось по российским городам! Адриан Дмитриевич и сам много ездил по России, основательно ознакомился с архитектурой разных эпох.

Большинство произведений Захарова не дошли до наших дней. Однако без них не составить представления о гигантском труде архитектора, ряд его построек, особенно в провинции, еще ждет своих исследователей. К сожалению, не сохранились Адмиралтейские казармы (находившиеся на месте нынешнего Дворца труда): от большого комплекса Морского госпиталя, перестроенного им, сохранилось лишь здание кухни; ряд его построек, особенно в провинции, еще ждет своих исследователей. Не был осуществлен проект монументальных, несмотря на малую высоту, провиантских магазинов на набережной Невы против Горного института. Своеобразие авторского почерка проявилось тут в особой, только этому зодчему присущей чистоте форм, ясности пропорций, в сочетании узких проемов и широких простенков. Скульптура у входов, маски на замковых камнях – элементы принципиального для Захарова синтеза искусств.

Работая главным архитектором Морского ведомства, Захаров руководил множеством построек в адмиралтействах страны. В Петербурге им были созданы на Провиантском острове, на берегу Мойки у устья Невы деревянные адмиралтейские конюшни на каменном фундаменте. К этой группе проектов относятся планы Кадетского корпуса в Николаеве, госпиталя для Казани и несохранившегося Черноморского госпиталя в Херсоне – целого комплекса построек с двором-садом, с компактной планировкой зданий.

Многостороннее дарование Захарова было оценено еще современниками. Петербургским Адмиралтейством восхищались Пушкин, Батюшков, Григорович, многие художники. Здание это – не только архитектурный шедевр, но и доминанта центра города, главное звено в системе его ансамблей. Оно завершает перспективы трех улиц, определяя знаменитую трехлучевую планировку Петербурга. Без Адмиралтейства невозможно представить себе панораму невских берегов. Творение Адриана Дмитриевича стало архитектурным символом города на Неве.

Адмиралтейство

Адмиралтейство

Заказ на перестройку здания, возведенного Иваном Коробовым, он получил, став в 1805 году главным архитектором Адмиралтейства. По размаху композиционного замысла мало что можно сравнить с этим произведением не только в русской, но и в европейской архитектуре классицизма. В нем Захаров выразил не столько символ дворянской империи, сколько духовную мощь своего народа.

Трехосевая композиция образована башней и двумя крылами с двенадцатиколонными портиками. Центральная четырехъярусная башня с триумфальной аркой ворот несколько напоминает надвратные вышки древнерусского зодчества.

Постоянно варьируется зодчим мотив куба, в том числе и в павильонах, выходящих на Неву. Главный фасад, несмотря на свою протяженность (более четырехсот метров), не кажется монотонным благодаря точно найденным пропорциям трехчастной композиции, декоративному чутью, сочетанию творческого вдохновения и трезвого расчета.

Адмиралтейство. Фрагменты фасада

Захаров проявил уважение к трудам своего предшественника, одного из «птенцов гнезда Петрова», Коробова (достойный внимания пример!), сохранил созданные им шпиль, башню, частично стены и даже оси некоторых проемов, но его произведение приобрело совершенно иное звучание. Окна и входы расставлены скупно, простенки гораздо шире, чем были раньше, и это опять-таки вызывает в памяти древнерусские памятники, хотя подобные

приемы встречаются и во французском зодчестве. Почти гладкие стены захаровского творения при минимуме декора вызывают ощущение мощной каменной кладки. В облике башни несомненно романтические элементы, которые мы видим и в ряде других работ мастера. Поразительно строг и благороден захаровский ордер – главное средство пластической характеристики строения. Блистательна прорисовка профилей. Адмиралтейские формы «дышат» настолько широко и свободно, что даже многие памятники эпохи классицизма представляются в сравнении с этим зданием излишне декоративными, а неоклассическая архитектура начала XX века кажется бутафорской и напыщенной.

Вестибюль Адмиралтейства

Адмиралтейство – не просто памятник классицизма или ампира. Как и все подлинно великие творения человеческого гения, оно выше рамок и канонов стиля. Для его созда-

теля главным было художественное равновесие масс, единство градостроительных, объемно-планировочных, а так же социальных задач. Любая деталь подчинена здесь целому, благодаря ясности мышления автора гигантское здание не подавляет человека, ибо во всем ему соразмерно.

Адриан Дмитриевич скончался в 1811 году, когда ему было всего пятьдесят лет... Завершением работ по Адмиралтейству руководили помощники и сотрудники архитектора – А.Г. Бежанов, Д.И. Калашников, И.Г. Гомзин. Но этот памятник русской славы, достойный стоять рядом с лучшими из древних кремлей и монастырей России, не дошел до нас таким, каким хотел увидеть его создатель. Еще при Николае I на месте фриза были пробиты окна третьего этажа (впрочем, это было сделано достаточно тактично): в 1860-е годы уничтожена часть статуй, в 1870-е – засыпали каналы внутри комплекса. Во второй половине столетия градостроительный замысел зодчего был нарушен возведением зданий, закрывавших с Невы фасад Адмиралтейства за исключением двух павильонов.

В 1805 году Захаров выстроил Литейный двор на углу Большого проспекта и 4-й линии – одну из главных достопримечательностей тогдашней столицы (впоследствии был перестроен под квартиры служащих Академии художеств). Здесь отливались многие монументы. Через пять лет он перестроил церковь Богоматери на Смоленском кладбище (возведенную в 1780-е гг. А. А. Ивановым).

Сохранились в перестроенном виде здания казарм Измайловского полка на пересечении Измайловского проспекта и нынешних Красноармейских улиц.

В Ленинграде сохранились еще два значительных произведения Захарова. Широко известный жилой дом Академии наук на набережной Лейтенанта Шмидта, 1, был перестроен в 1808–1809 годах из здания, возведенного по проекту С.И. Чевакинского. Строительством руководил А.Г. Бежанов. Лаконична обработка фасадов, главный украшен портиком из дорических колонн. Дом со множеством памятных досок, посвященных жившим здесь ученым, занимает важное место в застройке нева ских набережных.

Могила А.Д. Захарова

Свойственная Захарову ясность и строгость решения проявилась и в доме № 26 на набережной реки Фонтанки, лучшей постройке на участке между мостами Белинского и Пестеля, с изысканными пропорциями в формах зрелого классицизма.

Как член комиссии по постройке Биржи. Адриан Дмитриевич активно участвовал в создании генплана Стрелки Васильевского острова, проекта зданий Академии наук на набережной Невы, включив в комплекс произведение Д. Кваренги. Его замечания учитывал Т. де Томон, возводя роstralные колонны.

К сожалению, до наших дней не сохранились Андреевский собор в Кронштадте и церковь Петра и Павла близ Петербурга (в селе Александровском). Захаров перестраивал также Инвалидный дом на берегу Большой Невки у Каменноостровского моста (в 1970-е гг. здание было снова перестроено).

По своему образному мышлению Захаров – глубоко национальный зодчий. Плодотворное воздействие его искусства ощущается в работах А.А. Михайлова, А.И. Мельникова, В.П. Стасова, Н.И. Мартоса, Д.И. Калашникова. Однако наследие большого мастера не только живет в творениях учеников, но и само по себе является непреходящей ценностью. Захарова можно поставить в ряд величайших представителей не только русской архитектуры, но всей отечественной культуры в целом. Его творчеством вдохновлялись зодчие послевоенного Ленинграда.

Николай Гребенка

В 1859–1861 годах было возведено большое здание для Главного управления путей сообщения и публичных зданий на набережной реки Фонтанки, 117. Его внушительный массив занимает важное место в застройке набережной (впоследствии здание было надстроено), примыкая к Юсуповскому дворцу – творению Д. Кваренги. Дом на Фонтанке, в котором размещается и редакция газеты «Октябрьская магистраль», – строгого, делового облика, в нем ясно читается назначение здания, его планировочная структура.

Перед нами – одно из произведений известного петербургского зодчего, – городского архитектора Николая Павловича Гребенки (1820–1880). Число его построек настолько велико, что едва ли поддается точному учету, к тому же некоторые из них были перестроены в XX веке.

В 1843 году Н.П. Гребенка, уроженец Полтавской губернии, окончил Академию художеств и быстро включился в архитектурно-строительную практику Петербурга, которому и посвятил свою жизнь, как и его брат, известный поэт и писатель Евгений Павлович Гребенка (1812–1848), автор романсов «Очи черные», «Молода еще девица я была», бытописатель Петербургской стороны и др. Оба брата очень много сделали для сближения двух братских культур, русской и украинской, и их творчество принадлежит обоим народам.

Рис. В.Г. Исаченко. Дом в Фонарном переулке

Уникальной работой Н.П. Гребенки стал дом № 31 на Садовой улице, возведенный в 1845 году всего за 45 дней – редчайший в ту пору пример скоростного строительства. Работоспособность молодого архитектора была феноменальной: десятки жилых домов (в основном, 3–4-этажных) только в 1840-е годы! Вот лишь некоторые адреса: ул. Декабристов, 16; Мойка, 104; канал Грибоедова, 17; ул. Б. Конюшенная, 1; Владимирский пр., 8; Прядильный

пер., 6... Скромного облика, с изящным рисунком фасадов, соразмерные человеку и пространству, эти дома занимают важное место в ландшафте Петербурга.

В конце 1840 – начале 1850-х годов Николай Павлович участвовал в сооружении собора Св. Павла в Гатчине (по проекту Р.И. Кузьмина), строил приделы Андреевского собора на 6-й линии Васильевского острова, ремесленное училище в 1-й Роте (14-я Красноармейская ул., 1), дом Елисеева в Биржевом переулке, живописный по силуэту комплекс подворья Александро-Свирского монастыря на углу Разъезжей и Боровой улиц (перестроен). В 1870-е годы он построил Тихвинскую церковь в Александро-Невской лавре (ныне она используется как выставочный зал)...

Наибольший интерес зодчий проявлял к строительству жилых домов. Они появлялись во всех частях города, образуя большие фрагменты застройки, целые кварталы. Таков хорошо известный дом, а точнее, целый комплекс между Невским проспектом, Мойкой, Б. Морской улицей и Кирпичным переулком. Гребенка осуществил большие перестройки главного здания, выходящего на Невский проспект, расширил его по Мойке, изменил обработку фасадов по Б. Морской улице и Кирпичному переулку и др. Дом Руадзе (затем Елисеева) – один из популярнейших литературных центров Петербурга, сведения о котором встречаются во множестве источников, поэтому ограничимся лишь упоминанием о великолепном большом зале из газеты «Русский инвалид» за 4 марта 1860 г.: «...все здесь просто, обдуманно и отличается необыкновенным вкусом». Рецензент отмечал отличную акустику, освещение (14 больших окон), декор стен, утверждая, что новый зал «делает величайшую честь искусству архитектора академика Гребенки». Ныне здание реконструировано.

Н.П. Гребенка – один из строителей важной городской доминанты – съезжего дома на Садовой ул., 58. Из года в год неутомимый мастер, словно торопясь успеть сделать как можно больше, возводил новые дома, расширял старые, надстраивал, изменял декор фасадов, совершенствовал планировку и отделку. Он не изобретал новые архитектурные формы, но зато его дома никогда не были диссонансом, не нарушали гармонии строгих и ясных линий улиц и набережных. Таковы дома на улицах Кирочной, 26, Жуковского, 12, Декабристов, 7, Маяковского, 48, М. Подъяческой, 4... Перечень можно продолжать долго. При наличии единых приемов обработки фасадов у каждого дома – свое лицо, свой колорит и общий, типично петербургский характер. Так получилось, что уроженец Украины стал одним из самых характерных зодчих города на Неве, и его имя неотделимо от нашего города. Далекое не многим удалось построить более сотни добротных зданий – жилых, общественных, культовых, производственных, и среди них тот, с которого начинается этот очерк.

Андрей Дельвиг

В одном из залов Третьяковской галереи в Москве внимание посетителей привлекает великолепный портрет кисти И.Е. Репина, исполненный в 1882 году. На нем запечатлен известный русский военный инженер, генерал, сенатор Андрей Иванович Дельвиг (1813–1887). Человек острого, аналитического ума, с богатейшим жизненным и практическим опытом, он много сделал для развития инженерного и строительного дела в стране, без его участия не обходилось ни одно из начинаний общероссийского масштаба. Перечень его трудов впечатляет: мосты, дороги по всей России, военные укрепления, шоссе Петербург—Москва, нижегородский и московский водопроводы, гражданские и воинские здания и многое другое.

Андрей Иванович – барон, потомок рыцарей. По материнской линии – из рода Волконских. Родился в Воронежской губернии, жил и учился в Москве. С октября 1826 года связал свою судьбу с Петербургом, поступив в следующем году в Военно-строительное училище при Институте инженеров путей сообщения. В столице в его жизнь вошла литература – будущий генерал всей душой привязался к двоюродному брату, поэту А.А. Дельвигу; стал частым участником его литературных вечеров (на Загородном пр., 1; Миллионной ул., 26, в доме у Крестовского перевоза). Лицейские друзья поэта, а также Е.А. Баратынский, А. Мицкевич, П.Я. Чаадаев, Н.В. Гоголь и, прежде всего, конечно, А.С. Пушкин, родители брата, близкие – вот круг людей, в котором формировалась личность инженера, в будущем одаренного литератора, автора воспоминаний, изданных в 1912–1913 годах, а затем под названием «Полвека русской жизни» – в 1930 году в издательстве «Академия». Они написаны живым, выразительным языком и изображают целую галерею лиц – писателей, инженеров, художников, зодчих, сановников, людей всех сословий.

Окончив в 1831 году институт, Дельвиг часто навещался в дом № 2 по Кузнечному переулку, навещая семью умершего брата. Однако большую часть времени трудился в Москве, посвятив себя устройству тамошней водопроводной сети. Приобретя солидный опыт в этом деле, написал и издал первый в России труд о создании городских водопроводов, высоко оцененный на Западе и переведенный на французский язык.

Трудно представить, как мог один человек участвовать во множестве крупных начинаний: сооружении Николаевского (Лейтенанта Шмидта) моста, строительстве Николаевской (Октябрьской) железной дороги, железных дорог, связавших Москву с Владимиром, Ярославлем, другими городами.

С конца 1859 года Дельвиг снова в Петербурге. Служит главным инспектором железных дорог, вносит изменения в предлагаемые проекты, проявляет дар организатора, администратора, подлинно государственного деятеля. Всю жизнь был одержим страстью созидания, и любое общественное и государственное дело становилось его личным смыслом жизни. Как нам сегодня недостает таких инициативных, заинтересованных людей!

Много сделал Андрей Иванович по устройству водопровода в Петербурге, снабжению города чистой питьевой водой. Это не мешало ему руководить работами по установке памятника Николаю I перед Мариинским дворцом, быть авторитетным членом строительной комиссии по возведению в Москве храма Христа Спасителя. Трудлюбивый, дотошный – в лучшем смысле этого слова – он вникал во все, а его спокойное мужество и деловитость вызывали общее восхищение.

Жизнь и деятельность А.И. Дельвига – инженера и государственного деятеля чрезвычайно интересна и поучительна. Тома его воспоминаний дают немало ценного для тех, кто интересуется историей Петербурга и России.

Александр Ераков

На кладбище Новодевичьего монастыря (Московский пр., 100), неподалеку от могилы Некрасова, находится скромное захоронение. Здесь погребен инженер путей сообщения Александр Николаевич Ераков (1817–1886), имя которого когда-то было хорошо известно передовой интеллигенции Петербурга, да и сегодня оно с особым уважением произносится исследователями жизни и творчества Н.А. Некрасова и М.Е. Салтыкова-Щедрина. Ераков входил в группу «мушкетеров» – членов литературного кружка, собиравшегося в ресторане «Бель-вю» (см. «Невские ведомости», № 10, 1992).

А.Н. Ераков

Он окончил военно-строительное училище Института инженеров путей сообщения, в 1831–1835 годах учился в этом институте. В чине поручика он начал службу на постройке шлюзов в Шлиссельбурге (1837 г.), названных именем Петра I. Самое известное произведение инженера Еракова – Гранитный мост через Обводный канал (направо от Александро-Невской лавры), за который он был награжден орденом Анны III степени (1848 г.). Мост был однопролетным, впоследствии его расширили до трех пролетов.

Близко знавший Еракова юрист А.Ф. Кони говорил о нем: «Ераков был живой, образованный, чрезвычайно добрый и увлекающийся человек, обладавший тонким художественным вкусом». Его дом был одним из популярнейших культурных центров города. Адрес этот сообщает нам Салтыков-Щедрин в одном из писем: дом Тарасова в 1-й Роте. Это дом № 9 на 1-й Красноармейской улице. На «вторниках» Еракова собирался цвет петербургской интеллигенции. Всех сближала любовь к литературе и особенно к музыке. Это и приводило сюда

страстного меломана, виолончелиста, знаменитого врача С.П. Боткина. Самыми дорогими гостями были, конечно, Некрасов и Щедрин. Оба тепло вспоминали вечера 1860—1870-х годов, где царили юмор, острое слово, импровизация, своеобразные театральные представления. Тон задавали сам Ераков и И.Ф. Горбунов, актер и писатель.

Не без влияния Еракова возник особый интерес Некрасова и Щедрина к железнодорожному строительству. С 1849 года Ераков – помощник начальника опытного пути Николаевской железной дороги (от Петербурга до Колпина). В 1851–1852 годах он занимает пост помощника начальника всей дороги. В 1865 году его назначили вице-директором Департамента железных дорог.

До конца дней инженер бережно хранил память о Некрасове. Его женой была сестра поэта Анна Алексеевна Буткевич (1823–1882). Еракову суждено было исполнить последний долг перед другом и родственником: стать главным организатором его похорон.

Вспомним, что именно «самому дорогому моему другу» поэт посвятил сатиру «Недавнее время» (1871 г.) и гениальную «Элегию» (1874 г.) с ее скорбными раздумьями о судьбе русского народа. В обоих произведениях – широчайший охват эпохи, все то, что входило в круг их общих интересов, горячо обсуждалось в квартирах и у Некрасова, и у Еракова, и у Щедрина – на Литейном пр., 60. Ераков первым читал в рукописях стихи Некрасова.

Михаил Евграфович с интересом слушал рассказы богато одаренного, много знающего инженера, переписывался с ним, делился замыслами. Он подарил ему свою книгу «Помпадур и помпадурши» (1879 г.). Этот экземпляр находится в нашей Публичной (ныне – Русской национальной) библиотеке.

Особенно важным для Щедрина было знание Ераковым быта инженеров и чиновников. Обладая литературным даром, Александр Николаевич сотрудничал в «Отечественных записках» (статьи по железнодорожному делу). Он был одним из самых близких людей для сурового сатирика. Даже их дачи в Ораниенбауме были рядом. Дача Еракова, построенная в 1871 году на Богумиловской улице (не сохранилась), нередко служила местом заседаний редакции журнала «Отечественные записки». Щедрин шел на эти собрания по тропе, называемой «салтыковской». Талантливый садовод, Ераков украсил свое жилище цветниками и деревьями; здесь было поэтично и очень уютно.

Когда Еракова долго не было видно, Щедрин не раз отмечал, что его отсутствие «очень и очень чувствуется».

В 1880 году Михаилу Евграфовичу исполнилось 54 года. Это было время завершения «Господ Головлевых», новых замыслов, подготовки к проекту конституции (Щедрин участвовал в этой работе). На этот юбилей Ераков откликнулся 15 января стихотворением, в котором выразил полное понимание ведущей роли писателя в литературе и общественной жизни. Поскольку это стихотворение почти не известно читателю, приводим его текст полностью:

*Пятьдесят четыре года
Среди русского народа
Проживает воевода
Замечательного рода!..
С вида еле-еле дышит,
Но все видит, все он слышит,
И не пьет, а только пишет.
Но как пишет!.. Этной пишет!..
И боятся воеводы
Все стеснители свободы,
Помпадур, сумасброды
И чумазых коноводы...*

*Даже тот, кто в винт играет,
Но игру не твердо знает.
Тот со страхом ожидает.
Что-то будет, как узнает?!
За такого воеводу,
Крайне нужного народу,
Как не лезть в огонь и воду
Без пожарных и без броду.*

И сегодня, думая о судьбах Некрасова и Щедрина, уместно вспомнить и А.Н. Еракова, рыцаря русской науки, культуры и техники.

Бильдерлинги

В Лужском районе Ленинградской области сохранилась усадьба «Заполье». Несмотря на запущенность и всевозможные утраты, она и сегодня производит сильное впечатление замечательной вписанностью разнообразных построек (жилых домов, хозяйственных сооружений, складов и др.) в холмистый ландшафт. Расположенные на террасах строения добротные, хорошего художественного и строительного уровня. Кому же принадлежало это имение, спроектированное и построенное весьма знающими и умелыми людьми?

Памятник Н.М. Пржевальскому в саду у Адмиралтейства

Во второй половине XIX– начале XX веков большой известностью в Петербурге, да и за его пределами пользовались братья Бильдерлинги – Петр Александрович (1844–1900) и

Александр Александрович (1846–1912). В столице им принадлежал дом № 53 на Б. Морской. Оба посвятили себя служению Отечеству на воинском поприще.

П.А. Бильдерлинг окончил Михайловскую артиллерийскую академию на Выборгской стороне, проявил храбрость и военные дарования в русско-турецких войнах, а в 1871–1879 годах управлял Ижевским оружейным заводом. Генерал Бильдерлинг был известен как специалист в области артиллерии, автор ряда научных трудов, но его интересы были гораздо шире: он первым в России внедрил мартеновский способ отливки стали, совместно с братьями Нобель основал товарищество нефтяного производства. Выйдя в отставку, Петр Александрович создал образцовое во всех отношениях сельскохозяйственное производство в своем имении «Заполье».

Умелый и опытный хозяин, Петр Александрович полностью посвятил себя земледелию – создал опытную сельскохозяйственную и метеорологическую станцию, внедрял торф как удобрение, пылливо изучал жизнь растений, выращивал овощи и фрукты. Результатами своих трудов он делился в опубликованных статьях и брошюрах. Надо отметить, что Бильдерлинг слыл заботливым и рачительным хозяином, пользуясь уважением крестьян и всех, с кем сталкивала его жизнь. Недаром его выбрали гласным Лужского уездного и Петербургского губернского земских собраний.

Недалеко от самой усадьбы на высоком холме он построил великолепное здание земской школы в «кирпичном стиле» – невысокое сооружение, исполненное вкуса и монументальное благодаря чрезвычайно выгодному расположению здание хорошо сохранилось.

Так кто же был автором-строителем усадьбы в Заполье? Можно предположить, что сам хозяин, тем более, что его совладельцем был брат Александр Александрович – личность удивительно яркая и разносторонне одаренная. Несомненно его творческое участие в проектировании комплекса. Генерал А.А. Бильдерлинг окончил Академию Генерального штаба, отличился в Русско-турецкой и Русско-японской войнах. Начальник Николаевского кавалерийского училища, он с 1905 года был членом Военного совета. Как и брат, Александр Александрович опубликовал ряд работ по военному делу.

Однако наибольшую известность боевому генералу принесли не ратные подвиги (как и брат, он отличался мужеством), а художественное творчество: ведь именно А.А. Бильдерлинг стал автором знаменитых памятников героям-флотоводцам и саперам в Севастополе. И в нашем городе есть яркий след его деятельности художника-скульптора – памятник Н.М. Пржевальскому в саду у Адмиралтейства (1892 г.), созданный совместно со скульптором И.Н. Шредером.

Александр Александрович был страстным рисовальщиком и акварелистом, зарисовывал все то, что привлекало его внимание во время боевых походов. Рисунки его экспонировались на выставках, публиковались в журналах. Он – один из основателей Лермонтовского музея в Петербурге.

Таким образом, усадьба в Лужском районе является, скорее всего, результатом совместного творческого труда двух талантливых братьев. Старший, Петр Александрович, скончался в 1900 году и был похоронен здесь же, на высоком берегу озера. Интересный в архитектурном отношении памятник-мавзолей сохранился, автором его был, по-видимому, Александр Александрович, переживший брата на 12 лет.

Великолепно спланированная усадьба в Заполье – своеобразный историко-культурный памятник, свидетель неустанных трудов двух выдающихся деятелей военного дела, искусства, науки, техники и сельского хозяйства. Они являют нам столь необходимый сегодня пример подвижничества, самоотверженного служения Родине. Снова и снова приходим к выводу: лучше всего умели приумножать величие и красоту Отечества те, кто защищал его честь с оружием в руках.

КОСЯКОВЫ

В истории петербургской архитектуры немало имен, получивших широкую и вполне заслуженную известность на рубеже XIX–XX веков, а затем надолго забытых исследователями и редко упоминаемых в печати. Среди них – братья Василий, Владимир и Георгий Косяковы. Даже среди крупнейших зодчих своего времени они выделялись разносторонней одаренностью, широкой эрудицией. Но их творчество в разные периоды оценивалось по-разному, и до сих пор нет работ, достаточно полно освещающих их многогранную деятельность.

В 1862 году в семье служащего Антона Косякова родился сын Василий, через четыре года – Владимир и еще через шесть лет – Георгий. Страсть к учению помогла им преодолеть материальные трудности и получить архитектурное образование. Последовав примеру старшего брата, средний поступил в то же учебное заведение – Институт гражданских инженеров, а младший закончил Академию художеств.

В.А. Косяков

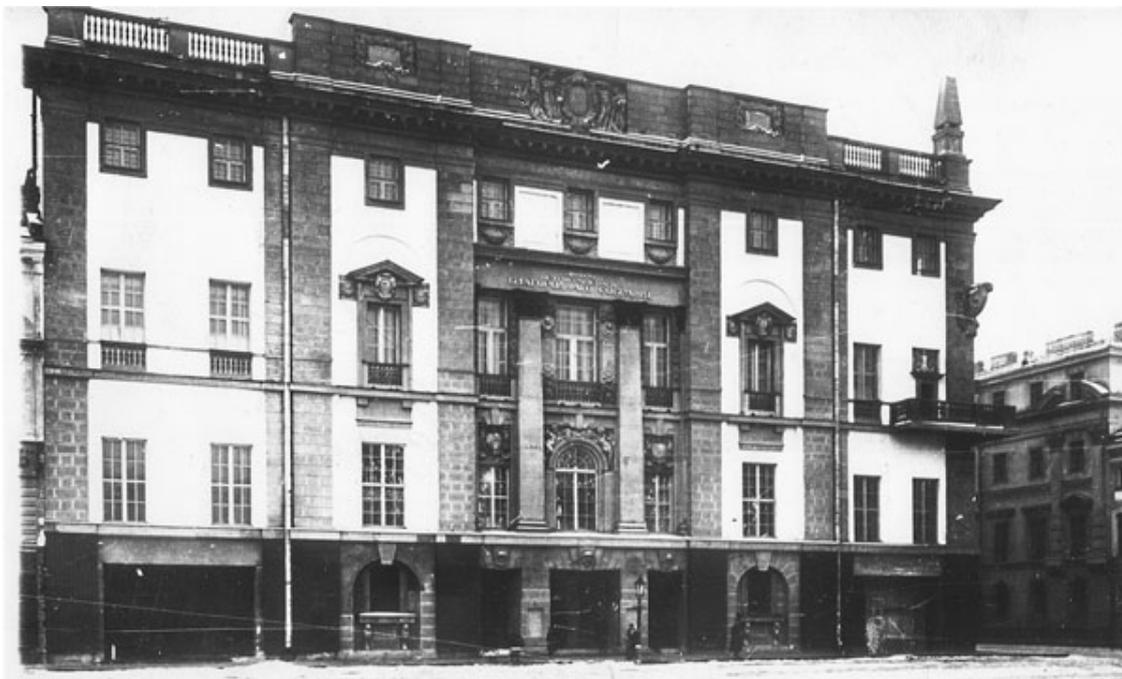
Каждый из братьев-зодчих проявил себя как самостоятельный мастер со своими предпочтениями и склонностями. Но нередко они объединялись вдвоем или втроем, создавая «родственные» авторские коллективы единомышленников.

Одно из лучших жилых зданий совместного творчества – дом № 19/53 на углу улиц Восстания и Жуковского (1904–1906 гг.), удостоенный серебряной медали за фасадное решение. Василий и Георгий Косяковы использовали здесь довольно распространенный прием объединения эркеров и балконов в целостную систему, но сделали это оригинально и выра-

зительно. Закругленный угол здания словно опоясан балконом, соединяющим два эркера. Пластические элементы фасадов соответствуют внутренней структуре и гармонично распределены на плоскостях стен. Зодчие использовали приемы, характерные и для других зданий, – группировку и сопряжение деталей, найдя при этом новые сочетания. Свободно нарисованный, стилизованный орнамент подчеркнуто вспомогателен, графичен и не претендует на сильное звучание – в этом его принципиальное отличие от декора, выполненного в духе эклектики.

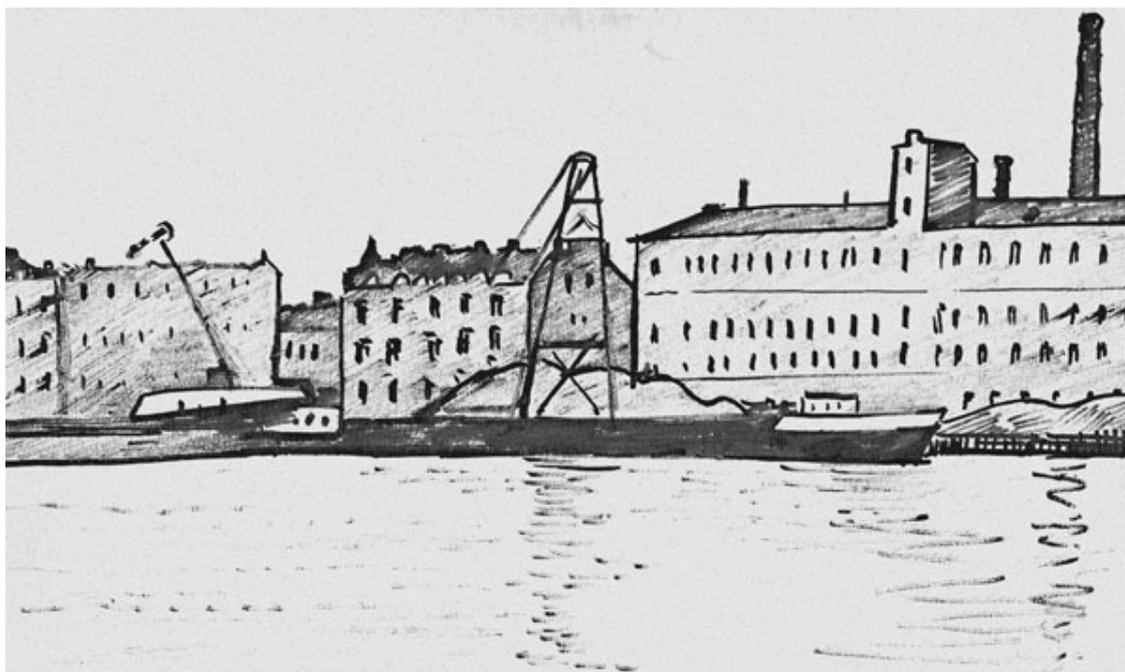
В начале века, в связи с появлением слишком разных, не согласованных друг с другом фасадов, в среде архитекторов и художников начали раздаваться голоса, требовавшие создавать «цельный, монолитный, не склеенный из кусочков покров», то есть фасад улицы. Многие городские фрагменты 1910-х годов интересны именно этим.

Так, примером единой плотной застройки может служить часть четной стороны Большого проспекта Васильевского острова в районе 18-й линии. Дом № 50, построенный Владимиром и Георгием Косяковыми (1910–1911 гг.), умело вписан в окружение и в то же время отмечен чистотой архитектурно-художественного решения, лаконизмом выразительных средств. Небольшая, но сочная декоративная вставка в обрамлении одного из окон заставляет вспомнить конкурсные проекты Г.А. Косякова, в которых особенно четко проявился его творческий почерк. Гладкая, облицованная светлой отделочной плиткой стена оживлена эркерами, имеющими простые и вместе с тем изящные очертания. Зодчие дали зрителю возможность чувствовать красоту большой, ничем не декорированной плоскости фасада с крупными оконными проемами. Цветной отделочной плиткой в простенках 5-го и 6-го этажей выложен своеобразный фриз. Эстетической привлекательности этого здания в немалой степени способствовало и высокое качество строительных и отделочных работ.

Здание бывшего Благородного собрания. Ныне Дом радио. 1912–1914 гг.

В домах, следующих по этой стороне Большого проспекта вплоть до 22-й линии, выдержаны примерно те же членения и приемы обработки стены. Это подтверждает стремление передовых зодчих начала века к созданию гармонизованной застройки.

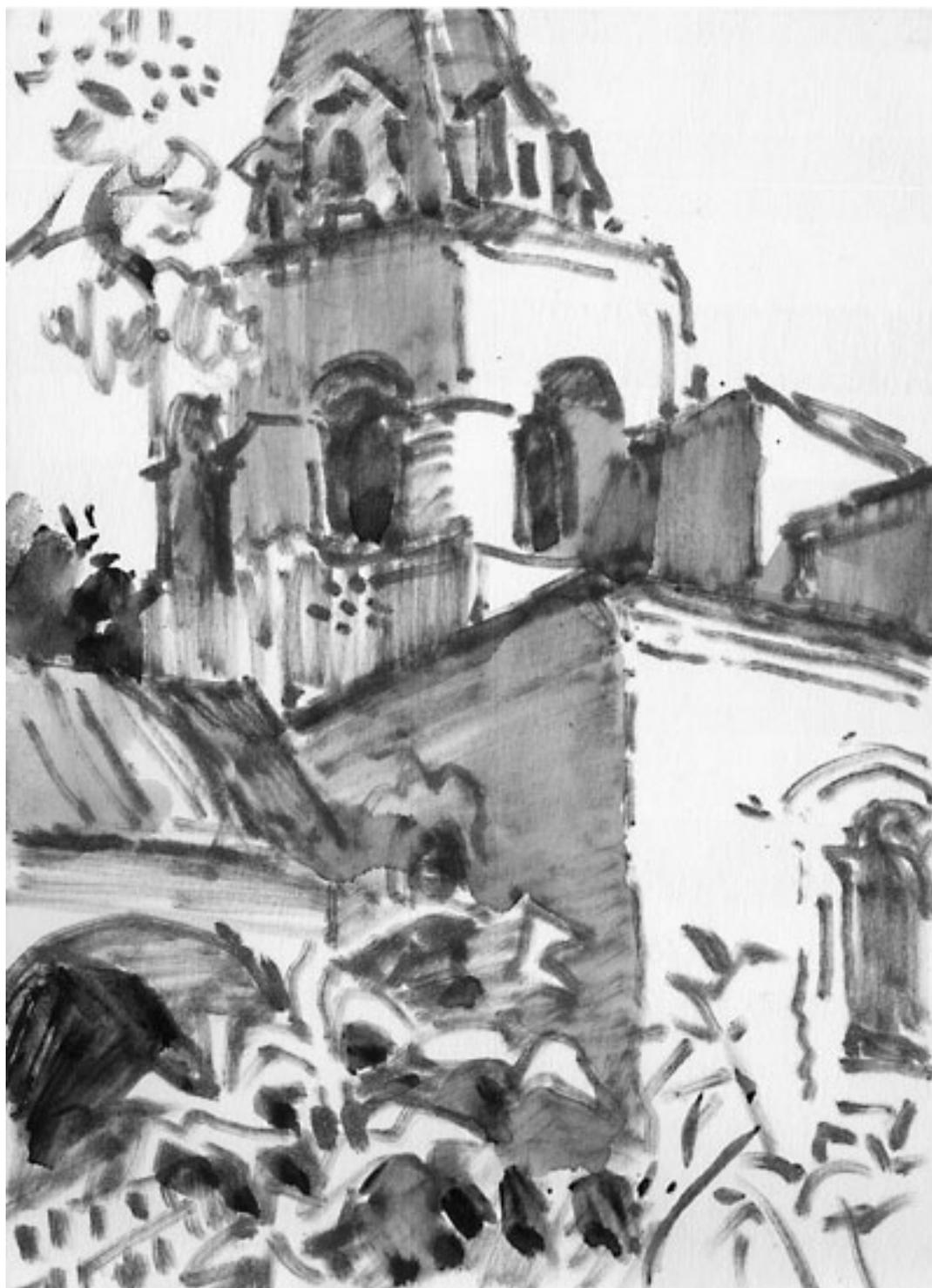

Рис. В.Г. Исаченко Выборгская набережная, д. 51

Наиболее значительное совместное произведение братьев Косяковых в Петербурге – здание «Благородного собрания», возведенное в 1912–1914 годах на углу улиц Итальянской и Малой Садовой (теперь его занимает Дом радио). В объемно-планировочной структуре сооружения ясно выражена его общественная функция. Главный, торжественный вход выделен широкой лоджией. Две парадные лестницы ведут из вестибюля на второй этаж – в фойе и аванзал, отмеченные удачными пропорциями и хорошо освещенные. Вокруг театрального зала, рассчитанного на 600 человек, были запроектированы клубные, служебные и вспомогательные помещения, хорошо связанные системой лестниц. Особенно тщательно разработаны инженерные сети.

В отделке интерьеров использован мрамор, введена скульптура, декоративная и сюжетная роспись. Богатое убранство аванзала и фойе не кажется чрезмерным, оно соответствует просторным, нарядным помещениям.

Во внешнем облике здания авторы сумели избежать перегруженности ордерными элементами (чем грешили многие зодчие); они добились определенного единства фасадов, используя мотив трех арок и сочетая различные виды штукатурки. Этому большому общественному зданию, органично вписанному в исторически сложившуюся застройку, присуща та «целесообразность и изящная простота», к которым призывал один из первых теоретиков модерна в России В.П. Апышков.

Рис. В.Г. Исаченко. Церковь в Лебяжьем

Каждый из братьев Косяковых обладал своей индивидуальностью. Старший из них, Василий Антонович (1862–1921 гг.), был опытейшим архитектором, инженером, крупным организатором строительных работ, автором ряда научных трудов. В 1906 году в связи с предоставлением самоуправления учебным заведениям профессор В.А. Косяков по желанию студентов стал первым выборным директором Института гражданских инженеров. После своего назначения он по-прежнему поддерживал требования революционной части студенчества.

Храм Святой Троицы в пос. Гора-Валдай

В.А. Косяков оставил обширное наследие. После смерти даровитого мастера правление института отмечало, что его творчество может служить «неисчерпаемым материалом и лучшим образцом при занятиях подрастающих поколений русских зодчих». Будучи принципиальным поборником комплексного проектирования, Василий Антонович с высоким профессионализмом разрабатывал не только объемно-пространственные структуры, но и мебель, элементы внутренней отделки и все то, что сегодня называют малыми архитектурными формами.

В.А. Косяков начал свою творческую деятельность еще студентом, в середине 1880-х годов, участвуя в возведении различных сооружений в Бресте и в перестройках ряда зданий Петербурга. Проекты дач в Сестрорецке, пятиэтажного жилого дома в Петербурге, английского клуба в Екатеринославе, выполненные после окончания ИГИ, характеризовали автора как умелого мастера, способного решать и более сложные задачи.

Тема жилых зданий – одна из важных в творчестве В.А. Косякова. Следует отметить дом, построенный в 1902 году, который и поныне стоит на углу улицы Ленина и Малого проспекта на Петроградской стороне. Его объемное решение взаимосвязано с рациональной планировкой. Протяженный фасад, выходящий на Малый проспект, пластически обогащен эркерами, расположенными по осям лестничных клеток – прием, получивший развитие в разных вариантах. Вертикали эркеров, завершающиеся башнями, закрепляют также углы здания. В этом доме многие годы жил сам зодчий со своей семьей.

Дом на углу улицы Ленина и Малого проспекта П.С., где проживал зодчий с семьей

Помимо возведения новых зданий, В.А. Косяков перестроил ряд существующих, нередко придавая им совершенно иную планировочную структуру. Так, в 1-м реальном училище (12-я линия, 5) он создал двусветный актовый зал, расширил другие помещения, изменяя отделку фасадов.

Василий Антонович Косяков плодотворно работал в области церковного зодчества. Новые приемы композиции, пластического и декоративного решения фасадов позволяют оценивать ряд созданных им культовых сооружений как вполне оригинальное явление в истории архитектуры. В 1890-х годах он построил храм Милующей Богоматери на Большом проспекте В.О., 100.

В становлении своеобразного подхода к раскрытию темы важную роль сыграло возведение в 1891–1899 годах храма Богоявления на территории порта (Двинская ул., 2), спроектированного при участии брата Владимира. Стены этого монументального, компактного сооружения были облицованы красным кирпичом, украшены мозаикой, изразцами и коваными решетками. Удачно найденные соотношения центральной главы церкви и четырех малых позволили создать выразительный силуэт, что всегда было предметом особой заботы русских зодчих. В выполнении богатой отделки фасадов и интерьеров участвовали видные мастера того времени, в том числе известный мозаичист А.А. Фролов.

Архитектор нередко шел по пути демократизации облика культовых построек, придавая их фасадам характер светских зданий. В особой степени это можно проследить на примере создания подворий – своеобразных «филиалов» монастырей. Так, в 1900 году по проекту, выполненному В.А. Косяковым при активном участии братьев, было завершено продолжавшееся пять лет строительство Киево-Печерского подворья. Его и ныне можно видеть при выходе 15-й линии Васильевского острова на набережную Лейтенанта Шмидта.

В рецензии на постройку (журнал «Строитель», 1897, № 1–2) отмечалось, что автор, «мастерски выдержав единство в обработке столь разнородных строений, как храм и жилой дом, связав их в одно целое, нашел возможным одною лишь умелою трактовкой форм придать каждому из них внешность, сообразную с их внутренним содержанием». Определенное новаторство зодчего проявилось в применении пересекающихся арок для поддержки главного барабана, что позволило обойтись без установки пилонов.

Постройка храма Подворья Киево-Печерской лавры. 1900 г.

Фасады сооружения воспринимаются как энциклопедия приемов древнерусского зодчества, использованных с большим мастерством, хоть и несколько суховато. При богатой отделке (архитектор применил излюбленный им желтый кирпич для стен, 14 сортов лекального кирпича для колонн, изразцы и мозаику) главным качеством произведения оставались «солидность и простота».

Другое подворье Староладожское, возведенное в 1900-е годы (современный адрес – Нарвский пр., 1), также представляет собой комплекс зданий, объединяющий пятиглавую церковь в московском стиле со звонницей и жилым домом. Внешний облик сооружений определяется не только живописным силуэтом, но и применением как светлого отделочного, так и лекального кирпича, цемента в наличниках, радомского песчаника. Аналогичные приемы отделки характеризуют и усыпальницу Новодевичьего монастыря (1907–1912 гг.) на Московском пр., 100.

Морской собор в Кронштадте. 1912–1913 гг.

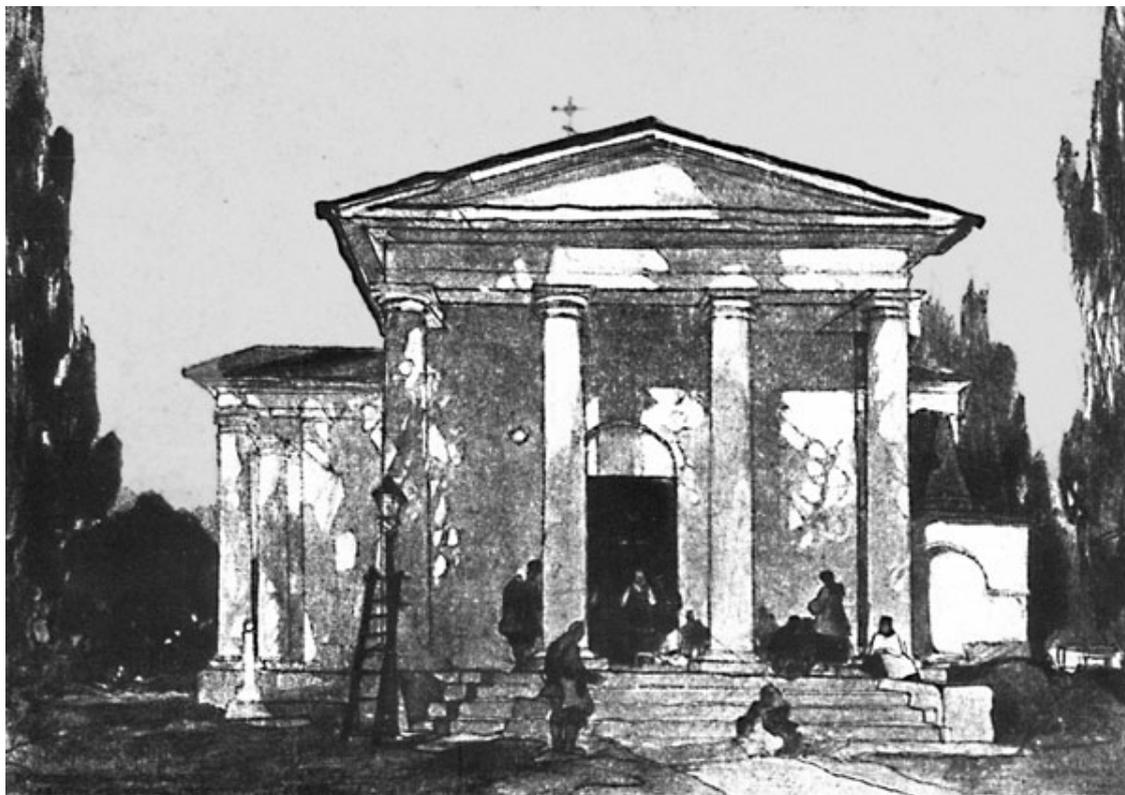
Одной из самых значительных работ Василия Косякова, принесшей ему заслуженную известность, стал Морской собор в Кронштадте (1902–1913 гг.), задуманный как памятник героям русского флота. Хотя вопрос о его создании поднимался еще в первой трети XIX века, лишь к концу столетия был создан комитет для сбора средств, большая часть которых пожертвована членами Морского ведомства. Провели два конкурса, которые не дали желаемых результатов. Был отклонен и проект А.О. Томишко. Тогда и обратились к В.А. Косякову. Зодчий, большой знаток византийского искусства, изучив в натуре культовые постройки Константинополя, создал проект по образцу храма Святой Софии – со сходным планом, но иным соотношением частей.

В разработке проекта и его осуществлении активно участвовали Владимир и Георгий Косяковы, а над богатой отделкой трудились лучшие мастера – П.К. Ваулин, В.А. Фролов и многие другие. Поэтому собор стал не только главной архитектурной доминантой города, но и сокровищницей декоративно-прикладного искусства. Немало храмов В.А. Косяков построил и в других городах.

Широтой интересов, сочетанием способностей инженера и художника-рисовальщика, живописца отличался Владимир Антонович Косяков (1866–1922 гг.), который окончил сначала Александровский кадетский корпус, а затем, в 1890 году, с отличием – Институт гражданских инженеров. Он был одним из лучших специалистов по теории перспективы и начертательной геометрии, преподавал рисунок, строительное искусство, гражданскую архитектуру и другие предметы в нескольких петербургских институтах; являлся членом технического строительного комитета, инспектором школы десятников по строительному делу. В своей повседневной деятельности В.А. Косяков проявлял большую заботу о быте и условиях труда строительных рабочих. Неустанная педагогическая и общественная деятельность не помешала ему проявить себя в практической работе. Помимо участия в совместных произведениях, он выполнил капитальный ремонт Горного института, создал проекты ряда

промышленных, жилых, церковных (храм в Красном Селе) и сельскохозяйственных зданий в различных городах. Владимир Антонович был автором многих сложных конструктивных расчетов, кроме того, участвовал в выставках художников-акварелистов, занимался масляной живописью. После Великой Октябрьской социалистической революции профессор В.А. Косяков продолжал активную педагогическую деятельность, пользуясь особым уважением студентов.

Младший из братьев Косяковых, Георгий Антонович (1872–1925), начал творческую деятельность еще в годы учебы в Академии художеств. Многочисленные конкурсные проекты, выполнявшиеся иногда при участии Н.Л. Подбереского, Э.Л. Андреолетти, а позже и И.В. Жолтовского, интересны как попытки выработать типы современных общественных зданий столичного масштаба – русского театра для Варшавы с публичной библиотекой и залом для собраний, пассажирского вокзала Николаевской железной дороги в Петербурге (1907 г.).

Акварель Г.А. Косякова. Всенощная в Линовицах

В этих работах, а также в получившем первую премию проекте Волжско-Камского коммерческого банка в Киеве уже заметно стремление Г.А. Косякова органично вводить скульптуру, майолику. Его чертежи и рисунки интересны и как архитектурные произведения, и как образцы графического искусства. Широта и размах общего замысла, сочетающиеся с тонкостью прорисовки деталей, демонстрируются и в неосуществленном проекте дома Оловянишникова в Чернышевском переулке, три этажа и мансарда которого отводились магазинам и административно-хозяйственным помещениям. Живой, выразительный чертеж передает богатую пластику фасада с большими арочными проемами и офактуренными блоками стен. Совместно со старшим братом он выполнил реконструкцию двух домов призрения – на улицах Расстаной и Симбирской (ныне – ул. Комсомола).

Рис. В.Г. Исаченко. Библиотека в Кронштадте

Здесь уместно вспомнить и о выполненных с натуры набросках мастера. Даже если бы Г.А. Косяков не оставил ни одного осуществленного проекта, его имя вошло бы в историю изобразительного искусства как автора превосходных рисунков, акварелей, офортов, эскизов декораций (некоторые хранятся в Музее Академии художеств и Государственном Русском музее). Рисунки зодчего помогают еще лучше понять характер его мышления, органичность поисков национального характера русской архитектуры.

Лучшим из самостоятельных произведений Г.А. Косякова является созданная в формах неоклассики Морская библиотека в Кронштадте (1909–1926 гг.), строительство которой было завершено уже после смерти автора.

Всегда требовательный к себе, Георгий Антонович выполнил проект на основе многих вариантов, сумев добиться в произведении гармоничного сочетания элементов неоклассики и модерна. Почерк архитектора, мастерство рисовальщика и чутье градостроителя угадываются уже в особой лаконичности средств, в решении угловой части здания, в том такте, с которым применена скульптура.

Он участвовал в реставрации церкви Св. Пантелеймона.

Изыщество и строгий художественный вкус характеризуют и более скромное здание бывшего Троицкого театра на ул. Рубинштейна, 18 (1916 г.). Зодчий работал здесь и как художник-декоратор.

Академик архитектуры с 1911 года, Г. А. Косяков после Великой Октябрьской социалистической революции продолжал работать как педагог. В 1924 году в Ленинграде был издан прекрасно оформленный альбом «Архитектурные мотивы», который Георгий Антонович посвятил своим братьям.

Композиционные принципы произведений Василия, Владимира и Георгия Косяковых, особенно жилых и общественных зданий, отсутствие педантизма, творческая смелость, единство пластического и декоративного, взаимосвязанность элементов во многом актуальны и сегодня. В то же время значение их деятельности, их наследия перерастает границы архитектурно-строительной практики, являясь частью русской художественной культуры конца XIX – начала XX веков.

АНТОНИЙ ТОМИШКО

Профессор архитектуры, академик Антоний Осипович Томишко (1851–1900) прожил весьма насыщенную творческую жизнь. Чех по национальности, он, подобно Э.Ф. Направнику, связал свою судьбу с Россией.

С детских лет будущий зодчий пристрастился к рисованию, одной из меценаток был привезен в Россию, и первые шаги в профессиональном искусстве сделал в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. В 1870 году юноша приехал в Петербург, а в 1874 году он окончил архитектурное отделение Академии художеств. Томишко быстро включился в жизнь академии, с 1880 года преподавал, с 1894-го – возглавил одну из трех архитектурных мастерских. Он был ректором Высшего художественного училища при академии.

Докторский памятник в Болгарии. София. 1882–1884 гг.

Множество педагогических и общественных нагрузок не помешало Антонию Осиповичу осуществить ряд крупных построек, в основном в Петербурге, хотя он проектировал и

для других городов России, и для Болгарии. Почти все работы зодчего – общественные здания, интенсивное строительство которых было вызвано насущными требованиями времени.

В списке его работ немало премированных конкурсных проектов. Но известность зодчему доставили добротные, солидные, созданные на высоком профессиональном уровне здания больниц, училищ и других общественных зданий. В 1881 году на набережной Волковки, 3, поднимается здание Волковской богадельни (совместно с Ф.И. Габерцеттелем), через несколько лет Суворовский проспект (бывшую Слоновую улицу) украсило здание школы фельдшериц, выходящее также на 2-ю и 3-ю Советские улицы. Хорошо найденные пропорции, рисунок деталей, прорисовка входов и, наконец, кладка из высококачественного нештукатуренного кирпича – характерные признаки этих и последующих построек зодчего, стремившегося сочетать эстетическое и утилитарное.

В конце 1880-х годов он строит убежище для слепых (ныне – ул. Попова, 37б), удачно объединяя жилую и общественную зоны. Трехэтажное, с ризалитами и выделенной по высоте центральной частью здание привлекает не только архитектурным решением, но и высоким качеством кладки из красного кирпича в сочетании с деталями из фигурного. Множество сложных вопросов пришлось решать Томишко при постройке здания тюрьмы «Кресты» на Арсенальной набережной. Его выразительный силуэт, цветовое решение, общая масса здания создают интересную переключку с водопроводной башней напротив. Тогда же, в конце 1880-х гг. была возведена на Арсенальной улице женская тюрьма.

В 1886 году архитектор построил для себя дом на Дивенской улице, 3, где и жил до конца своей короткой жизни. Из других жилых зданий, возведенных зодчим, следует отметить дом художника С.И. Садикова на 2-й линии В.О., 3, – типичный петербургский дом с хорошо прорисованным строгим фасадом. К сожалению, в процессе капитального ремонта он утратил элементы внутреннего декоративного убранства.

В качестве архитектора царского двора Томишко возвел здание «Собственной дачи» в парке Александрия (не сохранилось). Много времени и сил он отдавал строительству чрезвычайно ответственного в градостроительном отношении сооружения – усыпальницы в Петропавловской крепости. Детальные чертежи Томишко составил с Д.И. Гриммом в 1894 году. Здесь были использованы высококачественные материалы. Завершал работы после смерти Томишко Л.Н. Бенуа. В ансамбле построек крепости объем и силуэт здания играют важную роль.

В 1895–1898 годах на Литейном проспекте поднялось огромное, в «русском стиле» здание Офицерского собрания (ныне – Дом офицеров имени С.М. Кирова) – итог деятельности большого коллектива зодчих и военных инженеров. Томишко был одним из самых авторитетных консультантов при проектировании и строительстве, сотрудничая с А.И. Гогеном, М.А. Ивановым, Л.Н. Бенуа и др. Он был также экспертом по проекту архитектурного оформления Троицкого моста.

Произведения А.О. Томишко образуют группу своеобразных жилых и общественных зданий, занимающих видное место в застройке города на Неве.

Вадим Стаценко

Хорошо известно, что в формировании архитектурного облика нашего города участвовали архитекторы-художники и гражданские инженеры. Но не меньшую роль сыграли и военные инженеры, выпускники Николаевской инженерной академии, размещавшейся в стенах Михайловского замка. Их вклад в застройку Петербурга и всей России до сих пор представляется почти не изученным, а между тем среди них было немало крупных архитекторов, инженеров, строителей, ученых, специалистов широкого диапазона.

Одним из замечательных представителей этой плеяды был Вадим Платонович Стаценко (1860–1918). Почти сразу после окончания академии (он завершил образование в конце 1880-х годов и был признан одним из лучших выпускников) вплоть до последних дней жизни Стаценко преподавал здесь один из важнейших предметов – «Строительное искусство». В академии читали лекции выдающиеся ученые, среди них был крупный инженер-фортификатор, деятель музыкальной культуры Ц.А. Кюи. На одной из фотографий, сделанных по случаю 75-летия академии, можно увидеть Стаценко рядом с Кюи (1894 г.).

Как специалиста по морским и речным сооружениям, строительным и отделочным материалам, системам отопления Вадима Платоновича часто приглашали для консультаций и экспертиз многих проектов. В 1890 году он познакомился с устройством новых портов в Ялте, Мариуполе, Батуми, Новороссийске. Материалы исследования Стаценко изложил в богато иллюстрированной чертежами и картами книге, не только содержащей интересные, порой критические отзывы, но и написанной хорошим языком.

Среди научных трудов Стаценко выделяется обстоятельностью, четкостью изложения материала, уважением к читателю – будущему строителю фундаментальный труд «Гражданская архитектура», выдержавший 10 (!) изданий, последнее вышло в 1931 году, уже после смерти автора. Стаценко утверждал, что «всякое сооружение должно быть целесообразно, долговечно и дешево». Разносторонний специалист, большой труженик, Стаценко изучал состояние строительства в Западной Европе, знакомил с ним слушателей академии, уделяя особое внимание гигиене жилища, строительству медицинских учреждений, приютов.

Научную и педагогическую деятельность он сочетал с практикой. В 1896 году по проекту Вадима Платоновича, уделявшего особое внимание планировке, был построен большой пятиэтажный дом № 5 по Троицкой (ныне – Рубинштейна) улице для герцога Г.Г. Мекленбург-Стрелицкого. Решение фасада – в полном соответствии с застройкой улицы: это характерный петербургский дом конца XIX века со всеми элементами, присущими зодчеству поздней эклектики. Через год Стаценко надстроил дворовый флигель дома № 46 по набережной Фонтанки и пристроил к нему четырехэтажную часть в единстве с обликом этого нарядного здания – памятника архитектуры XIX века. Вплоть до 1910-х годов весь этот участок принадлежал Мекленбург-Стрелицкому, запечатленному кистью И.Н. Крамского. В доме № 5 по Троицкой улице Стаценко жил с семьей до 1914 года, до завершения постройки по собственному проекту двухэтажного особняка на набережной Средней Невки, 60. В этом собственном доме зодчий прожил последние годы жизни.

В 1899 году Стаценко при участии архитектора П.И. Шестова построил внешне строгий и тем привлекательный дом № 13/1 на углу Знаменской (ныне – Восстания) улицы и Гусева переулка (ныне – переулок Ульяны Громовой) с угловым эркером, завершенным шатром. Через год он надстроил правую часть дома и осуществил капитальную перестройку подвального этажа. Оба здания принадлежали семье Величко, родственникам жены архитектора.

В 1890-е годы Стаценко участвовал в проектировании здания Высших женских Бестужевских курсов на 10-й линии, 33–35 (автор А.Ф. Красовский).

Одной из интереснейших страниц в жизни Стаценко были годы общения с И.С. Репиным и его семьей. В 1902 году зодчий строил дачу в Пенатах по соседству с репинской усадьбой. Он, по воспоминаниям А.В. Стаценко, «руководил сам во всех мельчайших деталях: делал рисунки, изготовлял макеты резьбы и т. д. По общему мнению, дача в стиле модерн вышла очень красивой» (не сохранилась). Она привлекла внимание художника и послужила поводом к знакомству и тесной дружбе обеих семей (с 1903 по 1917 г.). Репин рисовал Стаценко, его жену и дочь, которая занималась рисунком под руководством художника. Илья Ефимович высоко ценил архитектора, консультировался с ним при всевозможных пристройках и переделках своей дачи.

В.П. Стаценко пользовался большим и вполне заслуженным авторитетом. В 1900-е годы он уже профессор Николаевской инженерной академии, генерал (в 1908 г. – генерал-майор). Энергичный, одаренный, он быстро продвигался по службе. В начале века он работал в Главном штабе в должности архитектора, выполнил реставрацию здания. Одной из лучших построек Стаценко стал приют св. Эммануила для детей-эпилептиков на Ярославском пр., 2 (Выборгская сторона), построенный в готических формах в 1907 году, – первое учреждение такого рода в России.

Жена Стаценко, Александра Васильевна, – видный общественный деятель, долгие годы жила в доме на Средней Невке, 60, работала хранителем в Музее города и скончалась в 1941 году. В ее жизни, как и в судьбе одного из сыновей, были драматические страницы, связанные с периодом культа личности.

Пафос созидания одушевлял всю деятельность В.П. Стаценко, энтузиаста, труженика патриота Родины.

Гавриил Барановский

Имя Гавриила Васильевича Барановского (1860–1920) всегда было широко известно, да и сегодня знакомо многим горожанам. Г.В. Барановский не только автор крупных жилых и общественных зданий, но и выдающийся общественный деятель, пропагандист современной архитектуры, исследователь, инициатор многих важнейших начинаний Института гражданских инженеров и Общества гражданских инженеров.

Передовой архитектор-строитель, Г.В. Барановский создал ряд зданий, до сих пор сохраняющих значение важных градостроительных доминант.

До сих пор не утратил ценности фундаментальный труд Барановского – многотомная «Архитектурная энциклопедия второй половины XIX века», изданная в начале 1900-х годов. Более того, значение этого труда для исследователей зодчества будет возрастать.

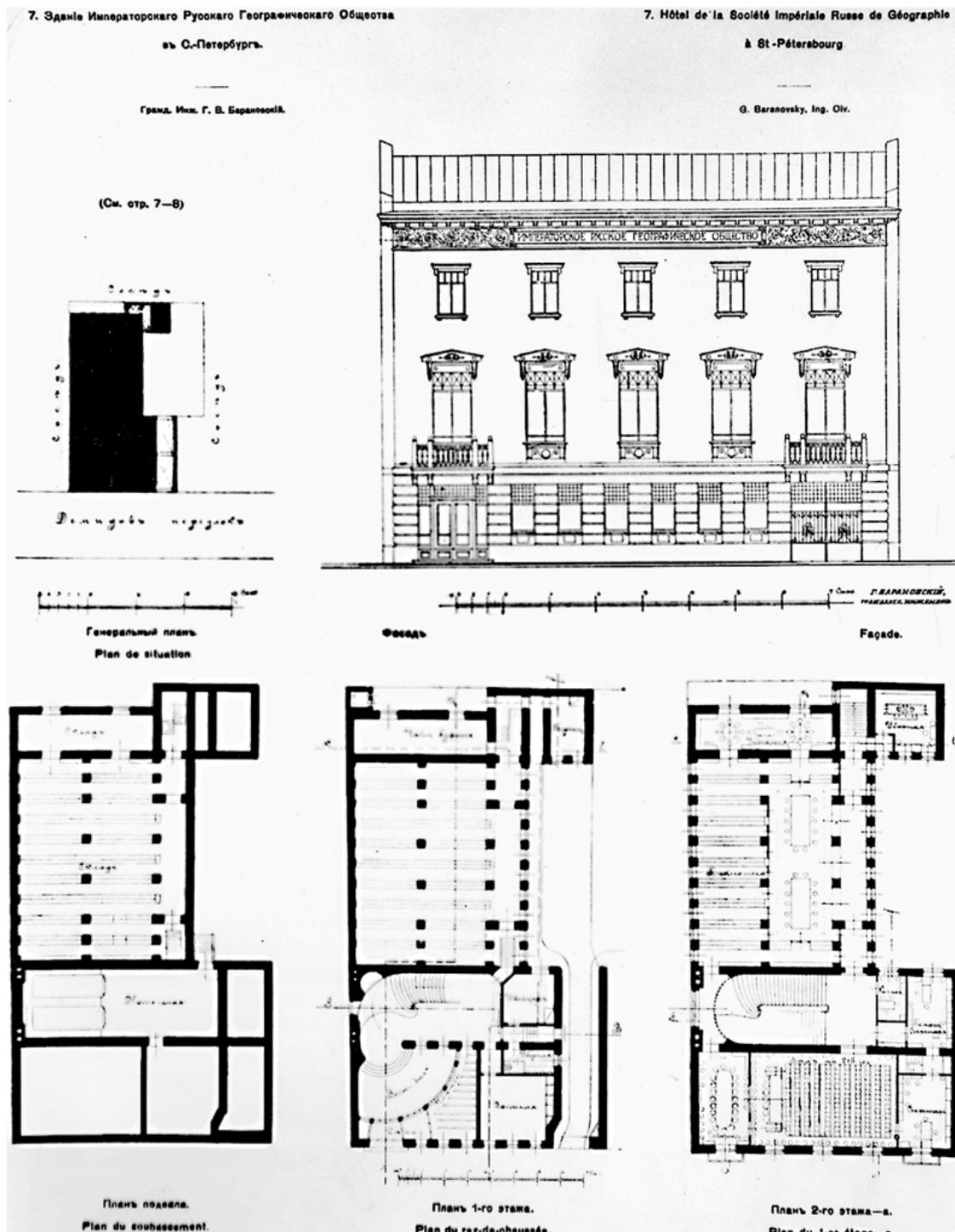
Перелистывая страницы «Энциклопедии», мы можем сравнить постройки и проекты русских зодчих с произведениями западных мастеров и убедиться в высоком художественном и строительном уровне отечественной архитектуры, Г.В. Барановский издал также журнал «Строитель», который стал трибуной для передовых столичных архитекторов и инженеров.

Все здоровое, прогрессивное в архитектурно-строительной практике постоянно получило поддержку Гавриила Васильевича, отличавшегося объективностью и доброжелательным отношением к коллегам. Он выступал поборником единства практики и зарождающейся теории, требовал современных обоснованных образных решений для каждого типа здания, соответствия новых рациональных решений нравственным и материальным потребностям общества.

Барановский был большим мастером рациональных и в то же время своеобразных планировочных решений, внутренней отделки и оборудования. Незаурядное впечатление производят вестибюли, лестничные клетки, холлы, а также художественно выразительные дворовые флигели в постройках зодчего.

Одна из его первых работ – перестройка и оформление интерьеров в хорошо известном доме Г.Г. Елисеева на Биржевой линии, 12–14 (1890-е гг.). В другом доме Елисеева (наб. р. Фонтанки, 64) вполне проявилась индивидуальность почерка Барановского. В отделке здания использован красный облицовочный кирпич, первый этаж выделен профилированными рустами, швы между которыми представляют собой ряды кирпичной кладки.

В стилистическом и пластическом единстве с главным фасадом разработаны и дворовые фасады; переход во дворы является своеобразным коридором с рустованными стенами и пилястрами. Лепка свода, каменные плитки пола не только придают этому элементу здания черты интерьера, но и зрительно объединяют все фасады в единую композицию. Важным элементом второго двора является фонтан с львиной маской и высеченной на камне датой постройки. В том же, 1891 году на ул. Ломоносова, 14, появляется другой дом Г.Г. Елисеева, созданный Барановским в единстве с застройкой четной стороны улицы. Фасад, расчлененный двумя ризалитами, также облицован отделочным кирпичом, который тонально объединяет все декоративные элементы фасада. Мастерство зодчего снова проявилось в прорисовке профилей и всех деталей, подчиненных большой форме. Но самое интересное в здании – это хорошо организованное внутреннее пространство, взаимосвязь богато оформленного вестибюля и скругленной лестничной клетки, выделенной пластически со стороны двора.

План здания Императорского русского Географического общества

В 1897 году Барановский возвел собственный дом № 36 по улице Достоевского, выдающийся памятник своего времени, с его строгим фасадом, облицованным светлым кирпичом, балконами на всю длину фасада, с прекрасно организованной взаимосвязью главного здания и дворовых флигелей (крытый переход, который до недавнего времени был украшен витражами). Здесь особенно ярко проявилось умение зодчего решать комплексные задачи проектирования больших жилых домов. Запоминающаяся особенность дома – широкое использование металла в интерьере.

Ныне уже утихли споры вокруг знаменитого Елисеевского магазина, который вместе с двумя корпусами занимает большое пространство на углу Невского проспекта и М. Садовой

улицы (1900–1905 гг.). Не вдаваясь в долгие искусствоведческие дискуссии о здании, можно с уверенностью сказать, что без него, как и без Дома книги, Невский проспект стал бы беднее. Это огромное здание – подлинная архитектурная энциклопедия своего времени – характеризует Барановского как зодчего-новатора, творчески развившего приемы, встречающиеся в его жилых зданиях, мастера широкого диапазона, понимающего и большую форму, и малую деталь (дверные ручки). Об этом здании немало написано, оно взято под государственную охрану как памятник архитектуры.

К числу других, менее известных произведений мастера, относится здание женской гимназии (Басков пер., 8), значительные (особенно со стороны двора) перестройки в эдакий ломбард (наб. р. Мойки, 72), дворовые флигели дома № 31 на 8-й линии Васильевского острова. Благородством облика, монументальностью отличается широко известное здание Русского географического общества (пер. Гривцова, 10) – постройка 1907–1910 годов. Как и в большинстве построек, Барановский широко и свободно разрабатывает планировочное решение здания.

Необычен облик Буддийского храма (Приморский пр., 91), построенного Барановским в 1909–1915 годах (первоначальный проект Н.М. Березовского) по инициативе далай-ламы с использованием мотивов тибетской архитектуры, творчески переосмысленных мастером. Широкое применение гранита, красного и синего глазурованного кирпича вновь показывает зодчего как большого мастера по применению эффективных отделочных материалов.

Имя зодчего всегда пользовалось особым уважением проектировщиков и исследователей зодчества, и сегодня его творчество привлекает внимание многих ценителей петербургской архитектуры.

Николай Прокофьев

В архитектурной летописи Петербурга – Петрограда – Ленинграда великое множество незаслуженно забытых имен мастеров, немало потрудившихся над украшением родного города.

Среди них – талантливый Петербургский архитектор и художник Николай Дмитриевич Прокофьев (1866–1913). Его имя знает лишь узкий круг специалистов, в основном исследователи русской архитектуры конца XIX – начала XX веков. Некоторые краткие сведения о художнике встречаются в литературе, посвященной архитектуре острова Валаам, Кронштадта, Москвы, Азербайджана, Крыма, Прибалтики...

Н.Д. Прокофьев родился в Николаеве. Среди его предков (в основном деятелей Российского флота) – штурман брига «Меркурий» И.П. Прокофьев, отличившийся в сражении с двумя турецкими флагманами (1829 г.). Дядя архитектора – герой Малахова кургана. Николай Дмитриевич не стал моряком, но, как мы убедимся, в значительной степени также служил русскому флоту.

Выпускник Петербургской академии художеств (Прокофьев учился здесь с 1885 по 1894 г.), он, еще будучи студентом, показал незаурядные и разнообразные способности, работая сотрудником у ряда видных петербургских зодчих на постройке жилых зданий. В эти первые годы творчества Прокофьев проявил себя как архитектор-строитель, мастер декоративно-прикладного искусства и художник-пейзажист. Характерно, что с наибольшим интересом он работал над внутренней отделкой зданий, и эта область архитектуры станет ведущей в его творчестве (например, отделка интерьеров в особняке С.П. Державина на Галерной ул., 33, Б. Почтамтская ул., 55, Моховая ул. 27–29, 34,...).

Вторая ведущая тема творчества – художественная отделка кораблей. С большим увлечением молодой художник трудился над оформлением императорской яхты «Полярная звезда», отдавая этим дань уважения профессии своих предков. Кроме того, он много занимался живописью, преподавал рисунок в ремесленном училище цесаревича Николая.

Первые значительные самостоятельные работы Прокофьева-зодчего связаны с островом Валаам: он строит там больницу, церкви-скиты, но самое главное – завершал совместно с епархиальным архитектором Г.И. Карповым строительство соборного храма. Прокофьев не только внес изменения в проект скончавшегося архитектора А.Я. Силина, но и выполнил художественные работы и значительные инженерные расчеты. Все эти произведения сделали Прокофьева известным.

После блестящего окончания академии архитектор совершил обычную для лучших выпускников поездку в Европу, с карандашом и кистью изучил ряд памятников Германии, Швейцарии, Италии. Его успехи дали основание Совету академии продлить на год творческую поездку, и Прокофьев начал работу над обмерами палатцо дождей в Венеции. Через 5 лет она была завершена, и в 1902 году зодчему было присвоено звание академика архитектуры.

Превосходный знаток различных архитектурных стилей, Николай Дмитриевич много и охотно трудился над отделкой интерьеров многих зданий Петербурга. Это дома: № 22 на Английской набережной, № 37 на Большом проспекте Васильевского острова, известный дом страхового общества «Россия» на Моховой ул., 27–29. В этом крупном здании, построенном в конце 1890-х годов по проекту академика Л.Н. Бенуа, Прокофьев выполнил не только отделку ряда интерьеров, но и проект замечательной ограды, одной из тех решеток, которыми издавна славен город на Неве. Кроме того, на той же Моховой улице зодчий занимался внутренней отделкой в доме № 34 на противоположной стороне улицы (дом построен в начале XX века по проекту Ю.Ю. Бенуа и А.И. Владовского). Большой интерес представ-

ляют интерьеры в доме № 55 по улице Герцена: библиотека в помпейском стиле, гостиная, будуар в мавританском стиле, столовая в стиле модерн. Все эти работы характеризуют Прокофьева как крупного мастера интерьерера.

Из отдельных построек, возведенных неутомимым зодчим, отметим большое здание Военно-походной канцелярии на Захарьевской ул., 19 (1913 г.).

Наряду с оформлением интерьеров архитектор много работал как художник флота. Еще в 1898 году его конкурсный проект Морского собора в Кронштадте был признан архитектурной общественностью «выдающимся по идее и оригинальности». К сожалению, проект не был реализован. Как художник-архитектор Балтийского завода (1888–1913) Прокофьев выполнил художественное оформление броненосца «Александр III», крейсера-яхты «Алмаз», императорской яхты «Александрия» и многих других.

О широте его творческих интересов свидетельствуют надгробные памятники, церкви в разных городах России. Все эти работы пользовались успехом у современников.

Множество произведений создано Прокофьевым в Риге, Баку, Москве. Но это тема специального исследования. Назовем лишь малую часть этих работ: подворье Валаамского монастыря в Москве в «русском стиле» – на углу 2-й Тверской-Ямской и переулка Александра Невского; особняк хана Алибекова в Баку; усадебный дом князя Тенишева в Хотылеве Смоленской губернии; несколько вилл в ренессансных формах на берегу Каспийского моря; филиал Русского внешнеторгового банка в Риге; дом 1-го Российского страхового общества на Крещатике в Киеве.

Высокий профессиональный уровень зодчий сохранял благодаря постоянным занятиям изобразительным искусством. Его знали как страстного рисовальщика и мастера акварели, активного члена Общества русских акварелистов. Он писал морские пейзажи, животных, изображения кораблей. Часть этих работ находится в Военно-морском музее.

Н.Д. Прокофьев скончался в 1913 году и похоронен на Волковском кладбище (Литераторские мостки).

Оттон Игнатович

Чем больше времени отделяет нас от рубежа XIX– XX веков, тем более возрастает живой интерес не только к самым крупным зодчим нашего города, но и к тем почти забытым мастерам, без каждодневного и порой малозаметного труда которых был бы немислим «строгий и стройный» архитектурный пейзаж Петербурга – Петрограда – Ленинграда. Они не создавали новых стилей и форм и главной целью своей деятельности полагали совершенствование рядовой (или «фоновой») застройки улиц и переулков, собственно и определяющей облик города, его «лицо».

К этой плеяде активных петербургских архитекторов-строителей принадлежал Оттон Людвигович Игнатович (1857–1915), автор нескольких десятков добротных зданий (в основном, жилых) в различных районах города. Представитель княжеского литовского рода, уроженец Вильно (Вильнюса), он учился в петербургской Академии художеств сначала на живописном, затем на архитектурном отделении. Завершив образование, стал трудиться как зодчий и художник.

Большинство построек Игнатовича сосредоточено на Петербургской стороне – в начале нынешнего века этот район столицы рос особенно стремительно, приобретая характерные черты цельности и единства облика. В этом плане примечателен собственный дом архитектора, возведенный им в 1903–1904 годах близ Князь-Владимирского собора, на Церковной улице – ныне пер. Талалихина, 7, – ул. Блохина, 20. Строгое пятиэтажное здание имеет очень простой, не раз встречаемый в городе фасад. Несмотря на кажущуюся обыденность облика, в нем ощущается определенная значительность, соразмерность человеку, живущему в нем. И – что очень важно – высокий профессионализм и большая строительная культура – именно то, чего так не хватает в современных гипертрофированных неуютных кварталах.

В доме на Церковной Оттон Людвигович жил широко – с чадами и домочадцами. «Все говорило о художественном вкусе и большом достатке этой типично петербургской семьи начала нашего века, – вспоминала жена одного из сыновей архитектора. – В гостеприимной квартире царило искусство, звучала классическая музыка. Сам зодчий играл на скрипке и рояле. Здесь всегда было многолюдно».

В начале XX века на Каменноостровском проспекте было немного каменных домов. Один из них (№ 4) построил для купца А.П. Жигунова в 1899 году Игнатович. В то время четырехэтажный, скромно и изящно прорисованный фасад заметно выделялся в застройке проспекта. Надо отметить, что именно таких зданий в городе было возведено значительно больше, чем в формах «модного» модерна, и они определили облик тогдашней столицы.

В 1901 и 1903 годах Игнатович построил пятиэтажные дома для купца А.В. Антонова – на Гатчинской ул., 10, и на Лахтинской ул., 14, характерные сооружения своего времени. Эркеры, рустовка нижних этажей (или всего фасада), легкий, подчеркнута вспомогательный декор – отличительные свойства этих зданий. В них нет особой оригинальности, и в этом их своеобразная прелесть. Утрата таких строений, довольно частая в наши дни, – невосполнимая потеря: улицы теряют свою «особость».

Работы Игнатовича – едва ли не на каждой улице Петроградской стороны.

Привлекателен дом № 20 на Бармалеевой улице с весьма оригинальными рельефами (растительный орнамент) и цветной штукатуркой нижних этажей. Трогательный домик на Ропшинской ул., 10. Хорош дом № 20 на той же улице – высокий, представительный, с рустованным фасадом, – типично петербургское строение начала века. А еще Петрозаводская ул., 3, Ординарная ул., 10, Кронверкская ул., 14, ул. Большая Зеленина, 15, Малый проспект, 14...

Перечень можно продолжить. И вспомнить попутно стихи живущего в этом районе поэта В.С. Шефнера, чутко уловившего особый аромат, присущий рядовой застройке той поры: «... В дома стороны Петроградской я всматриваюсь все чаще. В бесхитростную эклектичность, в нарушенную монотонность, в уютную асимметричность, в тревожную незавершенность».

Зодчий много работал и в других районах города. Примечателен трехэтажный дом № 112 на канале Грибоедова, тактично вписанный в выразительную архитектурную среду, связанную с именами Достоевского, Щедрина и Мусоргского. В структуру столичных магистралей органично вошли дом № 35 на Лиговском проспекте, № 11 на улице Жуковского, дом № 69 на 8-й линии Васильевского острова и др.

С юных лет О.Л. Игнатович отличался слабым здоровьем, часто болел. Это и привело к ранней смерти – он скончался в 1915 году в одной из петербургских клиник.

Что ж, Оттон Людвигович не строил дворцов и особняков, его имени нет в книгах, посвященных градостроительным шедеврам Петербурга. Но стоят на улицах города возведенные им жилые дома – добротные, удобные, по-своему привлекательные. В них – память об архитекторе, одаренном сыне литовского народа...

Сыновья архитектора чрезвычайно плодотворно трудились в различных сферах экономики в советское время.

Павел Сюзор

Если бы в Петербурге действовало правило обозначать на всех домах имена их создателей (что, кстати, и на самом деле было бы неплохо), то читатели «каменной летописи», наверное, удивились бы, увидев, насколько часто на ее страницах упоминается архитектор Сюзор. С возведенными или перестроенными им зданиями мы встречаемся в центре города буквально на каждом шагу – на Невском проспекте и набережной канала Грибоедова, на улицах Марата, Пушкинской, Некрасова, Малой Садовой, Салтыкова-Щедрина. Только сохранившихся построек этого плодотворно работавшего мастера насчитывается свыше семидесяти, а если учесть, что всего им было создано заново или переделано не менее ста объектов, то станет ясно, сколь обширное наследие он оставил городу.

П.Ю. Сюзор

Активная творческая деятельность Павла Юльевича протекала в переходный период развития отечественного зодчества: последней трети XIX – начале XX веков. Родился он в 1844 году. Его отец Юлий Степанович Сюзор преподавал французский язык и литературу, читал лекции, пробовал силы в поэтическом творчестве. Семья была тесно связана с культурными кругами того времени. П.Ю. Сюзор впоследствии женился на дочери зодчего Алек-

сандра Павловича Брюллова и жил в принадлежавшем тому (до 1877 г.) доме № 21 по Кадетской линии Васильевского острова.

Рис. В.Г. Исаченко. Улица Марата, д. 55

Невский проспект, д. 170

На рубеже веков в Петербурге велось активное, но нередко бессистемное строительство, особенно в промышленных зонах. Развивался и центр города. Здесь возводилось много зданий самого различного назначения. Но главным элементом массовой застройки стал доходный дом. Именно в поисках образа жилого здания наиболее ярко проявился противоречивый характер архитектуры того периода, сталкивались стилевые направления, принципы рациональной планировки нередко сочетались с избыточностью фасадного декора. При всем этом для зодчих открывалось широкое поле деятельности, возможность реализовать на практике свои творческие установки.

Канал Грибоедова, д. 13

И показательно, что молодой выпускник Академии художеств Павел Юльевич Сюзор (он закончил ее в 1866 г.) уже через несколько лет после получения звания архитектора возвел десяток домов, которые, по существу, определили облик всей вновь проложенной Пушкинской улицы. По-разному группируя однотипные – можно сказать, стандартные – декоративные элементы, зодчий создал согласованный фронт застройки четной (дома № 2, 6, 12–16) и нечетной (№ 1–7, 13) сторон. Добротные пятиэтажные здания, объединенные общей тональностью архитектурного решения, отличаются высокой строительной культурой, а детализирование фасадов делает их масштаб соразмерным человеку. Два угловых дома, выходящих на Невский проспект (№ 1/79 и № 2/77), как бы зеркально повторяют друг друга, акцентируя начало улицы.

Декор всех этих зданий способствует выделению их наиболее важных частей. Главным пластическим элементом выступают эркеры, подчеркивающие членения объемов, прежде всего на особо ответственных в градостроительном отношении участках. В центре улицы была образована небольшая, уютная – необычная для города – площадь со сквером, где в 1884 году установили памятник А.С. Пушкину. Короткий переулок связывает площадь с Литовским проспектом.

Таким образом, зодчий создал целостный и разнообразный фрагмент городской среды с системой проходов, раскрытий, уголков отдыха. До сих пор Пушкинская улица, многие дома на которой капитально отремонтированы – при сохранении облика фасадов – считается петербуржцами одной из самых удобных в центре Петербурга – тихой, спокойной, несмотря на непосредственную близость к наиболее оживленным магистралям и транспортным узлам.

И в дальнейшей деятельности Сюзора отчетливо проявилась прогрессивная тенденция к комплексной, как мы сказали бы сегодня, застройке больших земельных участков, к завершению облика главных улиц и проспектов. Павлу Юльевичу обязаны своим современным видом и многие дома на Невском. Так, кроме уже упомянутых зданий в начале Пуш-

кинской улицы, он упорядочил двор дома № 45 на углу улицы Рубинштейна, перестроил здания Малой Садовой, на углу Владимирского проспекта.

Многие произведения архитектора выявляют его незаурядное композиционное мастерство, умение обеспечить четкое взаимодействие больших форм и отдельных деталей. Особое внимание он уделял решению угловых частей зданий. Так, важными градостроительными доминантами стали дома № 55 на улице Марата, № 71 на канале Грибоедова, № 40 на улице Некрасова, занимающие крупные и ответственные участки на пересечении магистралей. Выразительному облику фасадов способствует введение эркеров, угловых башен, рустовки, декоративной скульптуры. В сочетании этих элементов в полной мере проявилось многообразие форм в пределах общего решения. Первые этажи, предоставляемые, как правило, магазинам, выделялись увеличенными размерами оконных и дверных проемов.

Отстаивая необходимость дальнейшего развития конструктивных и образных начал современной ему архитектуры, Сюзор неустанно подчеркивал, что поиски в этом направлении вытекают «из духовных и материальных потребностей общества» («Неделя строителя», 1901, № 34).

Пантелеймоновская улица (Пестеля), д. 13–15

В 1898–1900 годах по проектам зодчего были сооружены два крупных дома (для В.А. Ратькова-Рожнова); их нынешний адрес – ул. Пестеля, 13–15, и Кирочная ул., 32–34. Эти здания можно рассматривать как обобщение того лучшего, что было создано зодчим в конце XIX века, в период процветания эклектики. В то же время широтой авторского замысла, градостроительным размахом они уже принадлежат новому этапу. Плотные заполненные декором фасады, где применены фронтоны, рельефы, русты, круглая скульптура, служат в них лишь внешней оболочкой, которая прикрывает рациональную структуру крупных, подлинно столичных сооружений.

В обоих случаях Сюзор использует характерный для него прием – объединение двух корпусов огромной, как бы триумфальной аркой. Только здесь она связывает пространство улицы и двора, повышая их значимость. И не случайно внутренние фасады этих комплексов столь же пластически насыщены, как и внешние.

Композиция на улице Пестеля асимметрична. Над аркой – жилой этаж, решенный в виде своеобразного аттика. Нижний уровень акцентирован большими окнами. Круглая скульптура и рельефы по тональности почти не выделяются из общего цветового решения – особенность, свойственная и многим современникам зодчего. Сравнительно невысокие русты в нижней части здания соотнесены с большими швами, что образует глубокую светотень.

Образное единство присуще и домам на Кирочной улице, имеющим симметричное построение. Строгий ритм архитектурных и декоративных элементов (фронтоны, наличники, пилястры, скульптура), активно выступающие эркеры с большими окнами придают комплексу определенное величие. Над аркой, объединяющей корпуса, – два жилых этажа. Часть здания со входом во двор пластически сильно насыщена. Если в домах на улице Пестеля пространство развивается в глубину, то здесь размеры двора (как и пропорции окон в эркерах) приближаются к квадрату. Сочная пластика дворовых фасадов продолжает решение главного фасада.

В обоих произведениях Сюзора сказались творческая смелость автора, новаторское стремление преодолеть как дворцовый характер прежних дворянских особняков, так и будничность, прозаизм большинства доходных домов конца XIX века.

По проекту П.Ю. Сюзора были возведены жилые здания для среднеобеспеченных слоев населения на Васильевском острове (8-я линия, 29, и Косая линия, 15а), дома с дешевыми квартирами (на углу улиц 10-й Красноармейской и Дровяной).

Мастер широкого диапазона создавал также производственные и общественные сооружения. Образцы промышленных зданий сохранились на ул. Воинова, 56–58, и Кожевенной линии, 28–32. Среди лечебных учреждений – гомеопатическая больница на ул. Рентгена, 6, комплекс на 13-й линии В.О., 52, городская детская больница на Б. Сампсониевском пр., 67, завершенная М.И. Китнером, и ряд других объектов.

Сюзор был известен как активный сторонник и строитель бань; в числе осуществленных – Белозерские (ул. Кропоткина, 1), Пушкарские (ул. Б. Пушкарская, 22), на наб. р. Мойке, 82, на ул. Некрасова, 14а. Некоторые из них задумывались как крупные культурно-оздоровительные комплексы с бассейнами, прачечными, столовыми, читальнями. Так, специальный «дом народного здравия» был возведен в нынешнем пер. Ильича, 11.

Передовой, широко мыслящий архитектор неустанно, до конца своих дней отстаивал необходимость принятия мер по санитарно-гигиеническому оборудованию зданий в масштабе страны. Вынужденный удовлетворять (как, впрочем, и большинство зодчих) требования богатых заказчиков, Павел Юльевич мечтал о том времени, когда все население страны будет обеспечено комфортабельными жилищами, а также получит возможности для отдыха и лечения.

Одно из подобных сооружений, возведенных по его проекту в конце 1880-х годов – водолечебница, названная в Железноводске «Островскими ваннами» в честь известного общественного деятеля М.Н. Островского, брата великого драматурга. Сюзор спроектировал ее в мавританском стиле, считая его вполне уместным для южного курортного города. Формы здания ассоциировались с архитектурой старинных восточных дворцов. Зодчий применил здесь луковичные купола с орнаментом, высокие арочные окна с декоративными обрамлениями; даже вытяжным трубам он довольно остроумно придал формы минаретов. В интерьерах выделяются сводчатые коридоры, оформленные остроконечными арками, потолок вестибюля с богатой декоративной росписью. В центре здания – озелененный дворик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.